

ЭХО

הקל

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе с иврита Адольфа Гомана

Натан Альтерман
поэма «Радость бедных»

נתן אלתרמן
הפואמה "שמחת עניים"

СТИХИ

примечания и предисловие переводчика

שירים

הערות ופתח-דבר של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Натан АЛТЕРМАН

(1910-1970)

Моей дочери Дине (А.Г.)

Содержание

תוכן העניינים

Предисловие

פְּתַח-דָּבָר

"שמחת עניים"

* (פְּתִיחָה)

פרק א'

פתח-דבר

"Радость бедных"

Вступление

Глава 1

1. Песнь молодой жене

2. Пришелец вступил в город

3. Плач

4. Молния

5. Пришелец ревнует к красоте своей жены

6. Крот

7. Пир (субботняя трапеза)

8. Просьба о прощении

א. שִׁיר לְאִשְׁת־נְעוּרִים

ב. גַּר בָּא לְעִיר

ג. הַבְּכִי

ד. הַבְּרָק

ה. הַזֵּר מְקַנָּא לְחַן רַעֲיָתוֹ

ו. הַחֲלָד

ז. הַמְּשֻׁתָּה

ח. בְּקִשְׁת מְחִילָה

פרק ב'

א. שִׁיר הַשָּׁקֵר

ב. שִׁיר שְׂמֵחַת-עֵינַיִם

ג. שִׁיר שֶׁל אוֹר

ד. שִׁיר מְחֹל

פרק ג'

א. הַטְּנָבוּר

ב. הַזֵּר זוֹכֵר אֶת רַעֲיוֹ

ג. הַטִּיּוּל בְּרוּחַ

פרק ד'

א. מְקַרְה הַכָּסִיל וְהַחֲכָם

ב. לְאֵן נוֹלִיךְ אֶת הַחֲרָפָה

ג. הַבּוּגֵד

פרק ה'

א. שִׁיר שֶׁל מְנוּחֹת

ב. כְּאִשֶׁר הִרְאוֹת תְּחַשְׁכְּנָה

ג. תְּפִילַת נְקָם

ד. הַשְּׂבָעָה

ה. הַמְּחַתֶּרֶת

פרק ו

א. שִׁיר שֶׁל אוֹתוֹת

ב. קֶץ הָאֵב

Глава 1

1. Песнь молодой жене

2. Пришелец вступил в город

3. Плач

4. Молния

5. Пришелец ревнует к красоте своей жены

6. Крот

7. Пир (субботняя трапеза)

8. Просьба о прощении

Глава 2

1. Песнь лжи

2. Песнь радости глаз

3. Песнь света

4. Песнь пляски

Глава 3

1. Бубен

2. Пришелец помнит своих друзей

3. Прогулка на ветру

Глава 4

1. Сказ о глупом и мудром

2. Куда девать стыд?

3. Предатель

Глава 5

1. Песнь упокоения

2. Когда видящих скроет тьма

3. Молитва о мести

4. Заклинание

5. Подполье

Глава 6

1. Песнь знамений

2. Кончина отца

3. На земле камней

Глава 7

1. Ночь осады

2. Рассвет

3. Город пал

4. Заключение

ג. על ארץ-אבנים

פרק ז

א. ליל המצור

ב. שחר

ג. נופלת העיר

ד. סיום

Предисловие

פתח-דבר

Весной 1941г. увидела свет "Радость бедных" – большое произведение Натана Альтермана, оставившее глубокий отпечаток в сознании целых поколений любителей поэзии, комментаторов и исследователей. Сильное впечатление от него среди юных и взрослых читателей связано, в том числе, с неразрешёнными загадками, скрытыми в нём, с простёртым над ним покровом тайны.

Например, известный критик Дан Мирон утверждал [2] в 1981г., что "до сих пор не найдено никакого объяснения, способного в убедительной форме разрешить трудности, которые оно вызывает", и потому "Радость бедных" представляет собой, по его словам, "самый сложный объект не только среди произведений Альтермана, но и вообще в современной ивритской поэзии". Двумя годами позже профессор Боаз Арпали тоже говорил о "загадочности названия и составляющих текста" [3]. А Мордехай Шалев пошёл дальше, представив основную проблему в статье, посвящённой вовсе не "Радости бедных" Альтермана, а "В ожидании Годо" Беккета [4] :

"Предназначены ли современные литературные загадки для того, чтобы их решать, или они преднамеренно останавливаются на этапе введения в заблуждение? Имеются ли вообще логико-лингвистические эквиваленты, позволяющие определить и понять их? Или по своему характеру они предназначены дать возможность читателю заглянуть в как бы религиозный мир, где эти категории нерелевантны и всякая попытка навязать их искажает самую их суть?"

Однако, именно Б.Арпали [3,7,8] и М.Шалев [4,1] предложили две концепции для объяснения глубинного смысла поэмы (см. Послесловие).

Еврейская молодёжь, которая была пленена стихами книги "Звёзды вовне" Натана Альтермана, вышедшей в свет в 1938г., – это то же "поколение земли", которое получило в свои руки в 1941г. "Радость бедных" – произведение другого времени и изменившегося Альтермана (насмотря на сохранившиеся основы). Поэзия, нагруженная языком древних источников, таинственная тем, что в ней ясно, и ещё больше тем, что в ней скрыто. Внешние опасности, очевидные до ужаса. Тайна расколотого единства двух людей, их взаимозависимость, ревность и любовь, насыщенные страстями, между "живым мертвецом" (бедняком) и его женой (она же "дочь").

Поэт Хаим Гури спросил Альтермана о смысле названия "Радость бедных". Альтерман ответил: "Пришла страшная буря, и люди задают себе вопрос: что останется от духовных ценностей, накопленных человечеством, от искусства, дружбы, любви, отношений между отцом и сыном, между мужчиной и женщиной? И вот попытка ответить на этот вопрос: останется жизнь в разгаре смерти, клятва верности, память, надежда, продолжение".

В 1940г. Альтерман боялся, прежде всего, почти неизбежной гибели еврейского ишува (населения) в Палестине (Земле Израиля) от рук немецко-итальянско-арабско-французской (вишистской) коалиции (Армия Роммеля в Египте, итальянские бомбардировки Тель-Авива, ожидаемое вторжение из Сирии). Но в то же время ужасная опасность грозила как европейскому еврейству, поскольку Польша и часть Восточной и Западной Европы были уже фактически в руках нацистов, так и всей гуманистической цивилизации в случае победы идей расизма, тоталитаризма и нигилизма.

Альтерман хотел дать духовное оружие тем, кто не желал подчиняться этим силам и предпочёл бы смерть в борьбе, где сама смерть, как ни парадоксально, может стать победой жизни и духовных ценностей. По сути дела, Альтерман ставит гамлетовский вопрос: достойно ли терпеть безропотно позор судьбы или нужно оказать сопротивление, восстать, вооружиться, победить или погибнуть?

Книга состоит как бы из двух частей. Две первые главы – личная драма ревности и сложных отношений между пришельцем с того света и его молодой вдовой. Накал страстей заставляет вспомнить строки из "Песнь песней": сильна, как смерть, любовь, как преисподняя – люта ревность.

В последующих главах добавляется тема надвигающейся трагедии планетарного масштаба – распространения власти фашизма и вероятной катастрофы еврейства, как в Европе, так и на Земле Израиля. К двум главным героям здесь добавляются и мертвецы "подполья", и живые братья главной героини, готовые стоять насмерть в предстоящем штурме города. Тем не менее, автора не покидает надежда на последующее "великое спасение" еврейского народа и всей цивилизации.

* * *

Текст книги строится на необычайно богатом фундаменте – как еврейском (от ТАНАХа, Талмуда, молитв, песнопений, через еврейскую поэзию средневековой Испании и фольклор, до Бялика и Бренера), так и европейском-христианском (Новый Завет, английские и французские баллады, пьесы Шекспира, романтическая литература, романтическая и символистская русская поэзия и т.д.). По форме – это модернистская поэма с элементами баллады.

Многие стихотворения в книге "начинаются за здравие, а кончаются за упокой" в прямом и переносном смысле, в ней немало оксюморонов, но "Радость бедных" – книга не абсурдов (противоречий здравому смыслу и природе вещей), а парадоксов (которые при более глубоком осмыслении выясняются как истина, сложная для понимания).

Название поэмы заимствовано из стихотворения средневекового поэта, которого называли Шмуэль а-Нагид.¹ Хана Ривли-на [5] писала: "Напряжение, существующее в этом выражении между бедностью и радостью, амбивалентность, осознание каждого из этих

¹⁶ Шмуэль а-Нагид (полководец) – один из самых значительных еврейских поэтов средневековой Испании (993-1056г.г.). В течение 30 лет был великим визирем мусульманского княжества Гранада, успешным командующим армией и министром финансов. Писал стихи на семи языках. Всячески способствовал развитию еврейской общины и иврита. Во дворе его резиденции находился фонтан, поддерживаемый 12 львами, впоследствии перенесенный во дворец Альгамбра. Выражение "радость бедных" взято из его стихотворения "Боже силы, Бог ревнивый и грозный":

понятий в отдельности и во взаимосвязи – в этом, в широком смысле, значение произведения Альтермана. Насколько мне известно, после Шмуэля а-Нагид до Альтермана это выражение не использовалось".

В соединении актуального и вневременного, национального и общечеловеческого кроется, по всей видимости, секрет силы этого таинственного произведения, единственного в своём роде. В нём современная ивритская поэзия достигла одной из самых высоких вершин в своём развитии.

* * *

Комментарии переводчика к поэме «Радость бедных» см. в разделе «Статьи на русском языке» данного сайта.

При переводе не делалось попыток передавать цитаты из древних источников, которыми изобилует поэма (редакторы [1] приводят около 200) в их установившихся переводах на русский язык. Это практически неисполнимо в рамках стихотворного текста, и, кроме того, знакомство русскоязычных читателей с этими текстами далеко от уровня, позволяющего по памяти определять источник цитаты. Минимально необходимое количество цитат дано в примечаниях.

В приводимом тексте поэмы на иврите сохранена орфография пятого, прижизненного издания 1955-56г.г.

Я благодарю ведущих форума интернет-сайта "Натан Альтерман" за разъяснение тёмных для меня вопросов и Владимира Шейнкина за замечания, учтённые при редактировании перевода.

Литература:

1. מסכת "שמחת עניים" בעריכת יריב בן-אהרון, עלי אלון, 2001 (כולל מאמר של מרדכי שלו "מי מפרט משמחת עניים?")
2. דן מירון. "מפרט אל עיקר", 1981
3. בועז ערפלי. "עבותות של חושך", תשמ"ג
4. מרדכי שלו. "גונבים את הבשורה", 1989
5. חנה ריבלין. "הסטרוקטורה והמשמעות של "שמחת עניים" לנתן אלתרמן, מבחינת המורשות הלשוניות, תשמ"א
6. דן מירון. "ארבע פנים בספרות העברית בת ימינו. המת והרעה" 1975 נמכמז עינהאטכטנו
7. בועז ערפלי. "חדוות ההשוואה". פרק 4. 2005
8. בועז ערפלי. "שורת המורדים". 2009

Вступление

(פתיחה) *

Пришла Радость бедных. Стучится в дверь .
Сколько бедный-как-мёртвый ждал!
Принесла Радость лиры ². И вот теперь
Этот радостный час настал.

דפקה על הדלת שמחת עניים,
כי חכה לה האינש עד עת,
ותשא כנוריה שמחת עניים,
וישמח בה עני-כמת.

И сказал: "Как я счастлив сейчас,
Радость бедных услышал хоть раз".

ויאמר: מה טוב ומה נעים,
כי שמעתי שמחת עניים.

И, уснув на соломе, ограблен дотла,
Он мечтал до утра лишь о ней.
Слаще мести и тела большее была, ³
И последней овечки белей. ⁴

ובלילה, בלילה, שדוד ונזוף,
חלמה על מצע הקש:
חלומה כנכם וכואבת כגוף
וצחה ככבשת הרש.

И сказал: "Как я счастлив сейчас,
Что нашла меня в этот раз".

ויאמר: מה טוב ומה נעים,
כי באתני שמחת עניים.

И сказала: "Не гость, не помощник я, нет.
Недруг близок, встречай беду.
Час последний настал твой, и скоро вслед
За несущими гроб пойду".

ותאמר השמחה: לא, כי בא משחיתך.
לא, כי בא לך יום אחרון.
לא פקדתי ביתך, לא דרכתי גתך,
רק אלה עם נושאי-הארון.

"К тем, кто мучил меня что есть сил,
Как вернёшься ты, Радость?" – спросил.

ויאמר: אל צרי ומעני,
איך תשובי, שמחת עניים?

И сказала: "С тобою пойду до конца.
Как живому должна долг отдать.
Моего ты не видел при жизни лица,

ותאמר: בור ארד אתך, איש-הארון,
כי נושה אתה בי כמו חי.
כי פני לא ראית עד יום אחרון

² "Сион, ... я лира для твоих песен". Иегуда Галеви (ок.1075-1141) – еврейский поэт и философ, живший в Испании. Игрой на лире сопровождалась празднества и хвалебные речи (ТАНАХ, Пророки, Псалмы, 33,2 и др.)

³ В оригинале обыгрывается одинаковое написание в иврите слов "сон, мечта" и "здоровый, сильный" (обычно о душе). Но, вероятно, Альтерман, говоря о Радости "здорова (сильна), как мечь, и больна, как тело", имел в виду известную латинскую поговорку "(только) в здоровом теле здоровый дух", восходящую к выражению из сатиры Ювенала (Mens sana in corpore sano). Альтерман в завуалированной форме отрицает это утверждение – нет, не только! В этом идея всей поэмы: и перед лицом смерти слабый телом должен быть силен духом.

⁴ Намёк на притчу о богаче, отнявшем последнюю овечку у бедняка (ТАНАХ, Пророки, Самуил, 21, 1-5).

И до смерти врагам не видать".

וְגַם צָר אֶל יְרֵאֵנִי וְחִי.

И сказал: "Будет мир и покой.
Ведь теперь Радость бедных со мной".

וַיֹּאמֶר: מָה טוֹב וּמָה נְעִים,
כִּי אֲתִי אַתָּה, שְׂמֵחַת עֲנִיִּים.

Глава 1

א

Песнь молодой жене⁵

א. שִׁיר לְאִשְׁת־נְעוּרִים

Нет, не всё суета сует,⁶
Нет, не всё, - говорю тебе я.
И деньгам мог сказать я "нет",
И года сжигал не жалея.
За тобой шёл, девочка, вслед,
Как идёт за верёвкой шея.

לֹא הַכֹּל הַבָּלִים, בְּתִי.
לֹא הַכֹּל הַבָּלִים וְהַבָּל.
גַּם לְכֶסֶף הַפְּרִתִי בְּרִיתִי.
גַּם זָרִיתִי יְמֵי לְהַבֵּל.
רַק אַחֲרָיָה הִלַּכְתִּי, בְּתִי,
כַּצְּנֹאֵר אַחֲרֵי הַחֶבֶל.

Ты решила платочек надеть
И сказала: "Теперь не забудет!"
Дал зарок я не есть хлеба впредь,
Пока рот твоей плотью сыт будет,
Дал зарок на тебя лишь смотреть,
Пока силы в глазах не убудет.

כִּי עֲדִית מְטַפְּחָתְךָ, בְּתִי,
כִּי אִמְרָתְ לִי: הַבֵּט וּרְאֵנָה,
וְאֲדוֹר לֹא לְנִשׁוּף פְּתִי,
עַד שְׁנֵי מִבְּשָׂרְךָ תִּקְהִינָה.
וְאֲדוֹר לְרֵאוֹתֶךָ, בְּתִי,
עַד עֵינֵי מְרֵאוֹתֶךָ תִּכְהִינָה.

Но болезнь порвала цепь дней,
Нищету ты со мной узнала,
Она дочерью стала моей,
А болезнь моим домом стала.
И мы стали собаки бедней,
И собака от нас бежала.

וְהִכָּה הַחֲלִי, בְּתִי,
וְהִעֲנִי כֶּסֶה פְּנֵינוּ.
וְאָמַר לְחֲלִי בִּיתִי,
וְלַעֲנִי קְרָאתִי בְּנֹנוּ.
וַיִּנְדֹּל מִקְּלָבִים בְּתִי,
וַיִּנְוֶסוּ כְּלָבִים מִפְּנֵינוּ.

⁵ В оригинале "жене юности" – широко применяемое в иврите выражение из пророка Исаяи, где говорится об особо тесной связи еврейского народа с его Богом, который не оставит надолго свой избранный народ даже, если тот на время отступится от Его заповедей: "Ибо как жену оставленную и опечаленную духом, призвал тебя Господь, и (как) жену юности, которая была отвергнута, - сказал Бог твой. На малое мгновение оставил Я тебя и с милосердием великим соберу тебя" (ТАНАХ, Пророки, Исаяя, 56, 6-8).

⁶ "Слова Коэлета, сына Давида, царя в Йерушалаиме. Суета сует, - сказал Коэлет, - суета сует, всё суета". (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 1,1). "Коэлет" обычно приписывается царю Соломону.

И поднялся металл, и срубил
Мою голову вмиг с твоей шею.
Ничего не осталось, лишь был
Под ногами мой прах рассеян.
И железо лишится сил,
Только страсть к тебе не слабеет.

Тело хрупко, крошится, как мел,
Но не знает предела сила.
В жизни счастья я не имел,
Мне земля постель постелила.
Но в веселья час среди дел
Встретишь взгляд из моей могилы.

Ещё ждёт нас радости свет,
Души, девочка, нам согреет,
И с земли, что нам дал завет ⁷,
Ты ко мне сойдёшь холодея.
Нет, не всё суета сует,
Нет, не всё, - говорю тебе я.

2. Пришелец вступил в город

Город в осаде. Никто не пройдёт.
Но я обойду охрану.
Я, бедный-как-мёртвый, найду проход.
У твоей двери, спящая, встану.

Не рука, состраданье моё
Защитит, как огонь и копьё,
Укрепит, когда кончится время твоё.
Я – свидетель, помнящий всё.

אז עלה הברזל, בתי,
וְיָסִיר גַּם רֹאשִׁי מֵאַלְיָה.
וְדָבַר לֹא נֹתֵר, בְּלִתִּי
עֲפָרֵי הַמְרֹדֶף נִעְלִיָּה.
כִּי בְרָזַל יִשָּׁבֵר, בְּתִי,
וְצִמְאֵי לֹא נִשָּׁבֵר אֶלְיָה.

לֹא לֶפָח יֵשׁ קֶץ, בְּתִי,
רַק לְגוֹף הַנִּשְׁבָּר כְּחֹרֶס.
לֹא פְקֻדָּה הַשְּׂמֻחָה בֵּיתִי
וְתַצַּע אֲדָמָה לִי עֶרֶשׁ.
אֶךְ בַּיּוֹם בּוֹ תִגִּיל בְּתִי
גַם תִּגְלָנָה עֵינֵי מֵאֲרֶץ.

עוֹד יְבֵא יוֹם שְׂמֻחָה, בְּתִי,
עוֹד גַּם לָנוּ בּוֹ יָד וְחֻבָּל.
וְצִנְחָתָּ עַל אֲדָמַת בְּרִיתִי
וְאַלִּי יוֹרִידוּךָ בְּחֻבָּל.
לֹא הַפֵּל הַבָּלִים, בְּתִי.
לֹא הַפֵּל הַבָּלִים וְהַבָּל.

ב. גַּר בָּא לְעִיר

הָעִיר נְצוּרָה מִבּוֹא וּמִצְאָת,
וְאַנִּי אֶעֱבֹר לְבֶטַח.
אֲנִי הַזֹּכֵר, הָעֵנִי-כְּמֵת,
אֶעֱמֹד עַל שְׁנֵתְךָ בְּפֶתַח.

וּבְאֶפֶס-כְּפֹת אַחֻזָּן,
וּכְאֵשׁ וְחֵנִית אֲגֻזָּן,
וּבְטֶרֶם-אֲבָדָן אֲאֻמְצָךָ לְמוֹעֵד,
אֲנִי הַזֹּכֵר, אֲנִי הָעֵד.

⁷ В оригинале "земля союза", заключённого Богом с праотцами еврейского народа, земля обетованная (ТОРА, книга "Ваикра", 26, 42).

Чтоб свечой угасла ты, буду желать,
Чтоб приблизил меч день расплаты.
Но стану пороги весь день обивать,
Чтоб вечер ещё прожила ты.

Хлеба кусок принесу,
Имя твоё вознесу.
К иссохшим губам прильну свежей водой
Я, полный заботы, седой.

Не спасёт от несчастья живого живой,
Но ты будешь любовью укрыта,
Беспощадной, нездешней любви пленой,
Как грабёж среди дня открытой.

Поклянись всем, что свято тебе,
Черпать силы в ужасной беде.
А, когда не хватит и сил любви,
Меня, кто после всего, зови.

Город в осаде. Никто не пройдёт.
Но я не вернусь обратно.
За тебя, - ей клятву мертвец даёт, -
У двери умру семикратно.

Как огонь и копье, защищу,
Силой свыше людской награжу,
А когда твоё время придёт, как свечу, -
Я, чуждый – тебя погашу.

3. Плач

Я слышал, как ты ночью плакала одна,
К подушке прижимаясь ртом.
Хотел я этой ночью, стоя у окна,
С тобою быть, хотя бы за стеклом.

יום-יום אֶתְפַּלֵּל שְׁתִּכְלִי כְּמוֹ נֵר
שְׂאֵלִי תִרְדְּפִי בַחֲרָב.
וְיוֹם-יוֹם בְּעֵדָה עַל פְּתָחַיִם אֲחִזֵּר,
לְמַעַן תַּחֲיִי עוֹד עֶרֶב.

פֶּתַח לֶךְ אָבִיא אַחֲרוֹנָה,
בְּשֵׁם לֶךְ אֶקְרָא רֵאשׁוֹנָה.
הַחֲמַת אֲגִיעַ אֶל פִּיךָ שְׁחָרָב,
אֲנִי הַדּוֹאֵג, אֲנִי הַשֶּׁב.

כִּי הִנֵּה לֹא יוֹשִׁיעַ הַחַי אֶת הַחַי,
וְאֲבֹא כְּסוֹתֶךָ אֶהְבֶּה כְּמִים,
אֶהְבֶּה לֹא סוֹלַחַת, נְכָרִית לְאֲחִי,
גְּלוּיָהּ כְּשֵׁד בְּצִהְרִים.

וְאֶת בְּאֵלֵהֶם הַשְּׂבָעִי,
כִּי אוֹנִים מִצָּרָה תִשְׂאָבִי,
וּבְהֲגִיעַ עַד נֶפֶשׁ, תִּרְיַמִּי קוֹל,
אֵלַי הָאֲחֵרוֹן, הָאֲחֵרוֹן לְכֹל.

כִּי הָעִיר נְצוּרָה מִבּוֹא וּמִצְאָת,
וְאֲנִי אֶעֱבֹר לְבִטָּח.
בְּעֵדָה, בְּעֵדָה, אֲמַר הַמַּת,
שְׂבַעְתִּים אֲמוֹת בְּפֶתַח.

כָּאֵשׁ וַחֲנִית אֲגוֹנֵן,
וְכַח לֹא-אִישׁ בְּךָ אֶתֵּן,
וּבְטָרִם-אֲבָדֵן אֲכַבֵּךְ כְּמוֹ נֵר,
אֲנִי הַנִּכְרִי, אֲנִי הַגֵּר.

ג. הבכי

בְּלִילָה זֶה שָׁמַעְתִּי אֶת בְּכִיךָ בְּכָר.
רְעוֹת וַחֲנוּקוֹת בְּכִית.
בְּלִילָה זֶה עֲמַדְתִּי בַחֲלוֹן הַקָּר,
לְהִיּוֹת אֶתְךָ מִבְּעַד לְזִכּוּכִית.

Во тьме я видел скорбь твою, как в ясный день,
И руки, исхудававшие в беде.
И судорога боли била мою тень,
А кости рвались подойти к тебе.

О девочка моя! В оковах нищеты
Надежду потерявшая давно,
Сквозь слёзы на меня в окно смотрела ты –
Прозрачного, пустого, как оно.

Ты знала, ночь кругом – без ветра, без огня,
И лишь моя душа стучится в дверь.
Ты обо мне рыдала так, будто меня
Избрал своей добычей хищный зверь.

Я иногда бреду, как громом поражён,
Незрячих страх не в силах победить,
Когда ты вдруг зовёшь меня со всех сторон,
Как мальчик, над слепцом решивший подшутить.

В убогом доме слова некому сказать.
Не двигаясь и не открыв лица,
Ты, голубь жертвенный⁸, осуждена рыдать
Без памяти, без мысли – до конца.

Ты плакала в подушку в сумраке ночном.
Катились твои слёзы с век моих.
Поставь обидчиков твоих к окну лицом,
Дай дотянуться мне до горла их!

Мои несчастья мне теперь вовек нести,
Но плач твой вынести мозг не способен мой.
Плач остаётся в нашем доме взаперти.

בְּאֵין לִי עַד רְאִיתִי עֲלֻבוֹנָהּ מֵה רַב
וְזָרוּעוֹתֶיהָ כְּמֵה שְׁחָפוּ.
עַל כֵּן צָלִי סִמֵּר מִמֶּךָ בְּמֵאֲרָב,
וְעֲצָמוֹתַי אֵלֶיהָ רָחֲפוּ.

וְאֵת בְּכִית כִּי רַע. כִּי רַע וְנֹמֵר, בְּתִי.
וְאֵת בְּכִית עֵינֶיהָ וְחִדְלוֹנָהּ.
אֵלַי נְשָׂאת עֵינַיִם בְּלִי רְאִית אוֹתִי,
אֵת הַשְּׁקוּף וְצַח בְּחִלוֹנָהּ.

וְאֵת יַדְעֶתָ כִּי לֵיל וְגַם לֹא נָע עָלַהּ
וְרַק נִפְשִׁי קוֹשְׁבֶת וְחוֹלָה.
וְרַק עָלַי בְּכִית כְּמוֹ דוֹרֵס עוֹלָה
וְרַק אוֹתִי בָחַר לוֹ לְאֲכָלָהּ.

כִּי יֵשׁ אַחֲרַד פְּתָאִם וְכִמוֹ אוֹבֵד אֶלֶךְ
וּפְחַד-הַסּוּמִיִּם עָלַי עוֹבֵר.
עַת מֵאֲרָבַע רוּחוֹת קוֹרָא אֵלַי קוֹלָהּ,
כְּנַעַר הַמִּתְעַה אֵת הָעוֹר.

וְאֵת פְּנִיִּם כְּסִית. וְהִרְף לֹא אִמְרָת.
וְחִשָּׁךְ בְּבִכְיָהּ וְדָם יוֹנָה.
וּבְמַחְשָׁפוֹ נִצְרָרֶת וּבְמַרְחָקוֹ מִרְרָת,
עַד שְׁכַחוֹן, עַד כְּלוֹת, עַד אֵין-בִּינָה.

וְאֵת רֵאשֶׁהָ כְּבִשְׁתָּהּ, וְאֵת טֹרְפֶתָּ בְּכָר.
וְדַמְעוֹתֶיהָ רָצוּ עַל פְּנֵי.
הַגִּישִׁי אֵת עוֹלְבִיהָ לְחִלוֹן הַקֶּר,
הַבִּיאִי אֵת גְּרוֹנָם בֵּין צַפְרָנִי.

כִּי אֵת הַמֵּר מִמֶּר נְשָׂאתִי בְּאִדִּי
וְאֵת בְּכִיָּהּ כּוֹשֵׁל אֲנִי מִשָּׂאת.
אֵתָּה הוּא בְּבִיתִי! אֵתָּה הוּא בְּבִיתִי!

⁸ В древнем Израиле бедный человек во искупление грехов мог принести в жертву двух голубей (ТОРА, книга "Ваикра", 5)

Как во грехе - наедине с тобой!

Жена моя!.. Ты тьмой укрыта до утра.
Не шелохнусь, лицом к стеклу прижат.
Ты спишь, подушка у тебя от слёз мокра,
И только кости мести дробь стучат.

4. Молния

И даже шум дождя тебя не разбудил.
Швыряет буря струи в темноте ночной,
Холодный молний свет твой город ослепил
Безумием огня и красотой.

Смерть в этом свете, вечности мороз.
Как стены, рухнет вмиг - и строит вновь мосты.
Навис над домом он, как бич. В нем семь полос –
От золотистых искр до черноты.

Вот юности напор – ночь молний и воды!
Ночь силы! На лице твоём исчезла тень.
Такою в юности мечтали видеть мы
И жаждали тебя в субботний день.

Ещё взгляну, ещё. Пугать не буду я.
Ты спишь без снов. Вокруг всё сплошь – огонь, вода.
Я счастьем, юностью наполню всю тебя,
Но не узнаешь ты их больше никогда.

И я тебя украшу мёртвою красой,
Усмешкой слабою потрескавшихся губ.
Снаружи, девочка, столб молнии косой.
Я ослеплён, и дом до самых труб.

5. Пришелец ревнует к красоте своей жены

אתה הוא יחידי כמו בחטא !

--- רעיתי, אפלה בינינו הזכוכית,
קרבת עוֹד. ורוח בי לא קם.
את ישנה בכר אשר עליו בכית.
והס. רק עצמותי מפות נקם.

ד. הברק

ושאון הגשם רד, והוא לא יעירך.
סעור טלטל הגשם וקרעים זרק.
ואחרי גבי האירו את עירך
יפיו וטרופו של הברק.

צלמות באורו. אלמות בקורו.
וכחומות יפול. וכחומות ישוב.
ועל הבית גח ושבע הוא קורעו
מן השחור – כליל ! – אל ההבהוב !

ליל מים וברק ! ליל גהר ונעורים !
ליל כח ! בשנתך אורים פניה, בת.
כזאת, בתי, אותך אוינו, הנערים,
כזאת חכינו לך לעת שבת.

אביט בך, עוד אביט בך. לא אבהלה.
ונמת לאין מראות ונמת בשחור ויקוד.
ואשר ונעורים עליך אהלה,
כי לא תדעי אותם, כי לא תוסיפי עוד.

ואהלה עליך את יפיה המת,
ואת חיוך שפתיך הסדוקות, בתי,
כי בחוצות ברק, ברק אדיר עומד,
וסגורים נשטפתי עם ביתי.

ה. הזר מקנא לחן רעיתו

В праздник наряд не оденешь свой,
Рада не будешь вовек.
От соблазнов и лести закрыта стеной,
Чтобы не был с тобой ни один живой,
Чтоб не видела солнца, улыбки людской,
Обведу кругом тайным тебя я навек,
И буду, как коршун, кружить над тобой,
Чтоб ты не смеялась вовек.

Если в доме спастись замыслишь
И с друзьями побыть допоздна,
Не спасёшься, везде услышишь:
Коршун ищет: "Жена, жена!"

До бёдер, с земли до сокровища ног
Если б мог вновь увидеть тебя!
За тобою слежу я, как враг и как рок,
Чтоб никто завладеть тобой больше не мог.
Сладость рта, плеч тепло, блеск ногтей и серёг...
Враг – кто видит тебя, ты - обитель моя.
И рассеется пыль с твоих тяжких дорог,
И из пыли взгляну любя.

Если в чью-то постель заберёшься,
Будешь думать, что ты с ним одна,
От всевидящих глаз не спасёшься
И от зова: "Жена, жена!"

От взглядов, от пальцев, от вздохов чужих
Моя ревность хранит, как мать.
Иссушу твоё тело и душу, и их
Возжелать не придёт ни единый из них.
Ужаснёшься до срока от прядей седых,
Ветер сдует любовников хищную рать.
Не забудешь меня, пока стон твой не стих,

אל תלבשי את שמלת החג.
אל תצחקי לעולם.
מסביבך יחנף ויפתה וילהג,
ואני מעגל עולמים לך עג,
ואני על קווי כמו עיט חג,
ממלטה מבני-חם ונוצרת מקהלים,
לבל תראי שמש, לבל תדעי חג,
לבל תצחקי לעולם.

אם תנוסי אל סתר בית,
אם בשבת-רעים תשטי,
לא תנוסי מקול העיט,
המצעק לך: אשתי, אשתי!

אל גבה מתניה ויקר רגלך
מי עפר יגלה מעיני?
כמו נר אלוך וכאוֹיב ארגלך,
כי שלי את כלך, כלך, כלך,
בחזית צפרניה ובגץ עגילך,
ורואיה שונאי וחבר מעוני,
ונבקע העפר בו תדרוך רגלך,
ובקעו מעפר עיני.

לכתך אל משכב בשנים,
יצוע-זרים תשעטי,
ג תנוסי מאיש-העינים,
מצעק לך: אשתי, אשתי!

מאצבע זרים, ממבט ונשימה,
קנאתי תסבך כאם.
ושמתיה לשמה, וישבת נשמה,
לא חנה ירצה, לא קולך ישמע,
והקפצתי עליך זקנה בלי יומה,
ויפוצו עוגביך ולא נשיבם,
וזכרת לי כל אלה עד פלות נשימה,

Супруга моя и мать.

רעיה, רעיה ואם.

И, когда потемнеет разум,
Сеть мою проклянёшь со дна.
Потеряю, что было, разом,
Кроме крика "жена, жена!"

ובהיות בינתך לחשך,
ובנשכך בקללה את רשתי,
מה נותר לו לאיש-החשך,
המצעק עוד: אשתי, אשתי!

6. Крот

1. החלד

Я не зря тебе в верности клялся,
Рад быть щёткой твоим каблукам.
Я из глуби рыл ход, поднимался,
Словно крот – заколдован, упрям.

לא להביל נשבעתני לך אמן,
לא לשוא עקביך אשוף.
עם החלד חתרתני מעמק,
וכמוהו עקש וקשוף.

Ты и боль головы моей лысой,
Ты и скорбь моих длинных ногтей.
Меня в трёске стен старых услышишь,
В скрипе пола средь мрака ночей.

את עצבת ראשי המקריח,
את יגון צפוני הגדולות,
את שמעיני בנפץ הטיח,
בחרוק הרצפה בלילות.

Против зеркала в раме из меди
Свет свечи твоей бедной нетлен.
Смотрят ночи, как злые соседи,
На тебя из укрытий и стен.

מול מראה משכצת בנחשת,
מתנועע נרך האביון.
ההולכים אל פניך בחשך,
בר צפוי מכתלים וחסביון.

Мы с кротом к дому скрытно проникли,
Чтоб украсть, словно колос, тебя,
Но застыли не видя, поникли,
Ослеплённые нимбом огня.

ובצאתי לגנבך כשבבלת,
סנורני הנר בהלול,
ונותרנו אני והחלד,
חשכים וסמורים למולו.

*

*

Я не зря тебе в верности клялся,
Мне в тоске землю рыть суждено:
Твоей жизни во тьме добивался.
Ведь живой – он мираж, колдовство.

לא להביל נשבעתני לך אמן
ובצר לי גו-ארץ אשוף.
אל חייך כליתי מעמק,
כי החי הוא כשוף על כשוף.

Что в тебе есть? Зачем унижался,
Как идёшь, как стоишь, вспоминал.
Дорожил мелочами, боялся,
Счастлив был за тебя и дрожал:

О тебе моя мысль, и под небом
От той мысли дрожу я в ночи:
Только б ты не осталась без хлеба,
Миски супа и света свечи.

Я б хотел целовать твои руки –
Слаб и стар, как стара твоя мать.
И на мне твоя бедность и муки.
Ни спасенья, ни сна мне не знать.

Ты и боль головы моей лысой,
Ты и скорбь моих длинных ногтей.
От тоски не уйти ненавистой,
От заботы и думы моей.

Ибо никнешь уже, словно колос,
И осада вокруг на холмах.
Я и крот, мы слепы, дыбом волос,
И застыл в нас убийственный страх.

Отражаясь, колеблясь, двоится
Свет свечи за зеркальным стеклом,
И ты видишь во тьме наши лица,
Знаешь, мы от тебя не уйдём.

Потому, что весь мир наш раздвоен,
И вдвойне мы скорбим оттого,
Что нет дома без мёртвого в доме,
И нет мёртвых, забывших его.

תמְהוּנִי אַתָּה ! רְאִי מֵהַ נִלְעַגְתִּי
מֵהַ שִׁנְנֹתַי לְכַתְּךָ וְעַמְדָּךָ.
גַּם עַל קֵט וְטַפֵּל לֹא דִלַּגְתִּי,
גַּם חֲרָדְתִּי מִגִּיל בְּעַדְךָ.

מִסְבִּיבְךָ מִחֲשַׁבְתִּי מְהֻלָּכֶת,
מִחֲשַׁבְתִּי מִסְמַרְתִּי הָעוֹר,
עַל נִזְיֵד-הַפְּרוּר וְהַלְחָם
וְהַנֶּר שֶׁיִּסְפִּיק לְמָאוֹר.

וְאַנִּי הַגּוֹחֵן אֶל יְדֶיךָ,
מִיָּגַע וְזַקֵּן כְּאִמְךָ.
וְנוֹשֵׂא אֶת עֲבִירְךָ וּמְרוֹדֶיךָ
בְּלִי מִפְּלֹט וּמְנוּחַ מִמֶּךָ.

אֶת עֲצָבֶת רֵאשֵׁי הַמְּקָרִים,
אֶת יְגוֹן צְפָרְנֵי הַגְּדוּלוֹת,
טְרָדְתִּי הַכְּבֵדָה מִהַשְׂכִּים,
מוֹעֶקֶת הַרְהוּרֵי בְּלִילוֹת.

כִּי נִשְׁבַּרְתִּי הַנֶּהָר כְּשֶׁבֶלֶת
וְצָרִינוּ עוֹמְדִים עַל תֵּלָם,
וְנוֹתְרָנוּ אֲנִי וְהַחֶלֶד
חֲשָׁכִים וְסִמּוּרִים לְמוֹלָם.

וּבְמִרְאֵה מִשְׁבַּצַּת בְּנִחְשֶׁת,
מִתְנוּעַע הַנֶּר הַלּוֹחֵךְ.
אֶת רוֹאֵה אֶת פְּנֵינוּ מִחֲשָׁה,
וְיֹדְעֵת כִּי לֹא נִשְׁכַּחְךָ.

כִּי חֲצוּי הָעוֹלָם, כִּי הוּא שְׁנַיִם,
וּכְפוּלָה הִיא הַמֵּית מִסְפָּדוֹ,
כִּי אֵין בֵּית בְּלִי מֵת עַל כְּפִים,
וְאֵין מֵת שֶׁיִּשְׁכַּח אֶת בֵּיתוֹ.

Чудо – жизнь наша в доме унылом,
Мёртвых мыслями полнится он,
Чей настойчивый взгляд из могилы
На жилища живых устремлён.

וּבְלִי קֶץ אֶל עַרְי נְכַאֲיִנוּ
יֹשְׁבֵי חֶשֶׁךְ וְתֵל נְבֻטִים.
נְפֻלָאִים, נְפֻלָאִים הֵם חַיֵּינוּ,
הַמְלָאִים מִחֻשְׁבוֹת הַמֵּתִים.

7. Пир (субботняя трапеза)

ז. הַמְשֶׁתָּה

Вот бокал вина, свечи рядом.
Хлеб восславит молитва твоя.
Обвела ты пустой дом свой взглядом,
Твёрдо зная, что гость твой – я.

וְהִנֵּה הַנְּרוֹת וַיִּין.
וְהִנֵּה הַפֶּת לְבָרֶךְ.
וְהַבִּטְתְּ כֹה וְכֹה וְאִישׁ אֵין,
וַיִּדְעַתְּ כִּי אֲנִי אוֹרְחָךְ.

Приди, Радость, гостьей к столу бедняка!
Будь свят этот день вовек!
Как свет, что лежит на лице бедняка,
Трепещет в душе человек.

תָּבוֹא הַשְּׂמֵחָה אֶל שְׁלֹחַן עַנְיִים,
בְּלִיל הַתְּקַדֵּשׁ הַמוֹעֵד.
מְשֻׁנִּים-נְרוֹת אוֹר עַל פְּנֵי עַנְיִים,
וּלְבָבָם עִם הָאוֹר מוֹעֵד.

Твои руки белы, как прежде,
Но браслета нет и следа.
Белый фартук скрывает одежду,
А моя, та всегда бела.

אֶל מוּלֵי מִנְחוֹת יְדֶיךָ,
לְכַנּוֹת וְאֵין צְמִיד.
הַסֶּנֶר הַלְבֵן לְבִגְדֶיךָ,
וּבִגְדֵי לְבָנִים תְּמִיד.

Садись рядом, Радость, всем место есть тут!
Будешь с нами и есть, и пить.
Сто, девочка, ласковых слов тебя ждут,
Но некому их повторить.

תִּשְׂרָה הַשְּׂמֵחָה עַל שְׁלֹחַן עַנְיִים,
וְעַל חֵן מִפְתָּם וּמְאוֹרָם.
בְּתִי, שְׂמוֹת-חֶבֶה לָךְ, סְפוּרִים וּמְנוּיִים,
וְאֵין הַדְּבַר לְאַמְרָם.

Всё вино на столе осталось,
Хлеб не тронут. Платок в руках.
Только сердце твоё надрывалось,
И от радости пира в слезах.

פָּתְנוּ אֵינָה נְבַצְעַת
וּגְבִיעֵנוּ אֵינוֹ נִשְׁתָּה.
רַק דּוֹפְקָה לְבִתְךָ הַנּוֹפְצַעַת,
הַדְּמוּעָה מִשְׂמַחַת הַמְשֶׁתָּה.

Ибо радость сильна на пиру бедняка.
Вовек будет свят этот день!
Недвижно, без звука сияет бокал,

כִּי עֵזָה הַשְּׂמֵחָה בְּמִשְׁתֵּה עַנְיִים,
בְּלִיל הַתְּקַדֵּשׁ מוֹעֵד.
בְּלִי נוֹעַ וְצִלִּיל זוֹהָרִים הַגְּבִיעִים,

Дрожат на лице свет и тень.

וְזִיו הַנְּרוֹת מוֹעֵד.

Свечи гаснут с бокалами рядом,
Лишь вино сохраняет покой.
Обвела дом пустой свой взглядом
И заплакала: праздник какой!

אֶז כָּלִים הַנְּרוֹת. רַק הַיַּיִן
שׁוֹקֵט כְּאִשֶׁר נִמְזָג.
וְהַבְּטָתָּ כֹּה וְכֹה וְאִישׁ אֵין,
וּבְכִיתִי: מֵה גְדוֹל הַחֵג.

И сказала: "Как ты, Радость бедных, сильна!
Тебя вынести сил наших нет.
Знать, и здесь не для радости жизнь нам дана,
И с собой не возьмёшь на тот свет".

וְאָמַרְתִּי: מֵה יִפֶּה אַתָּה, שְׂמֵחַת עַנְיִים,
לְכַבְּנוּ שְׂאֵתָךְ לֹא נֹסֶה.
גַּם חַיֵּינוּ שְׁלֵנוּ לֹא לָךְ עֲשׂוּיִים,
גַּם אֶל קֶבֶר אוֹתָךְ לֹא נִשָּׂא.

8. Просьба о прощении

ח. בקשת מחילה

Исчезла краса твоя, дочь.
Нести груз несчастий невмочь.
Бежит утешение прочь.
И ни звука! Да будет ночь!

יְדַעְתִּי, חֲנֹה הָרֵס.
יְדַעְתִּי, עַלֶּךָ דָּרֵס.
יְדַעְתִּי כִּי נַחַם נֹס.
וַיְהִי לַיִל. וְאֵין קוֹל. כִּי הֵס.

Без предела беда росла,
Изнуряла и смерть несла.
Я смотрел, как течёт слеза,
И не мог отвести глаза.

בְּלִי עֲצוֹר הִרְעָה גְדֻלָּה.
וְהַשְׁחִיתָה וְגַם קִטְלָה.
וְעֵינַי אַחֲרַי כְּתֻלָּה,
כֶּךָ הַבִּיטָה וְלֹא חִדְלָה.

Страх и стыд ты прошла без слов.
Больше вынесла, чем Иов.
Как мертвец, одна в мире снов.
Жалок тот, кто судить готов.

בְּפִחָדִים וּכְלִימוֹת נֹסִית.
וְנִשְׂאֵת הַקֶּשֶׁה מִשְׂאֵת.
וַתִּהְיִי בּוֹדְדָה כְּמֵת.
וַיְבוֹשׁ הַמוֹצֵא בְּךָ חֶטָּא.

Я злой речью тебя утомил,
Мелочами тебе докучал.
К горлу ужас беды подступил.
"До конца я с тобою," - сказал.
Но молчала ты тише могил,
Так, как город в осаде молчал.

הָאֱלִיתִיךָ בְּדַבָּרִים עַל לֵב רָע.
הָאֱלִיתִיךָ בְּקִטְנוֹת וּנְקִלוֹת.
אֵת שׁוֹתֵקֶת כְּעִיר נְצוּרָה,
כִּי גְדֻלַּת מְאֻשָּׁם וְאֵלוֹת.
כִּי גְדְלוּ יְגוֹנִים וְצָרָה,
וַיֹּאמְרוּ לֹא נָשׁוּב עַד כְּלוֹת.

Я жесток. Ты устала, больна,
Исчерпала все силы до дна.
Сын уснул. Ты сидишь у окна,
И никто не придёт. Одна.

Будет месть за красу твою, дочь,
За несчастья, чья тяжесть невмочь,
Но не будет живого – помочь,
А мне скажут: "Тише, ты: ночь!"

Глава 2

1. Песнь лжи

Домам суждено рухнуть,
Не век суждено им стоять.
Глазам суждено потухнуть,
Чужого не век желать.
Старый вновь молодость не обретёт,
Тот, кто проснулся, вовек не заснёт.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Радость – покончить с собою,
Горе – жить, подлость терпя.
Радость – спросить: кто звал к бою?
Горе – спросить: кто судья?
Счастлив, кому уже больше не встать,
Горе бежавшим: вовек им не спать.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Луна с солнцем сгинут не скоро,
А наши дни сочтены.
Над отцами закружит ворон,

וּמְשׁוּט מִפְּחִידֵי יַגְעָת.
וְאֵת בְּנֵי יַחֲדֵי רַגְעָת.
וְכַחַר כְּחָרֵשׁ רַקְעָת.
וְאִין עַד וְעוֹזֵר, רַק אֶת.

יֵשׁ נֶקֶם לְחַנְּךָ שְׁהָרֵס.
יֵשׁ נֶקֶם עַל עַלְךָ שְׁדָרֵס.
אֲבָל נַחֵם לָךְ אִין. כִּי נֹס.
וְיֵהִי לַיִל. וַיִּגַּד לִי הַס.

ב

א. שיר השקר

דין הבתים לשקוע,
לא דין הבתים לעמוד.
דין העינים לגוע,
לא דין העינים לחמוד.
דין הישן לא לקום לעולם,
ודין הנעור לא לנום לעולם.
לא מפחד, בתי, כי מגיל את צועקת.
את יודעת, כי שקר, שקר, שקר!

ישמח הנופל על הרב,
ואבוי לירא מחטא.
ישמח השואל מי בחרב,
ואבוי לשואל מי שופט.
אשרי הנמצא בלי יקום לעולם,
ואבוי לנמלט, איה ינום לעולם?
לא מפחד, בתי, כי מגיל את צועקת.
את יודעת, כי שקר, שקר, שקר!

חמה ולבנה ישוטו,
אך ימינו כליל יכלו.
על אבות העורבים יעוטו,

И будут рабами сыны.
Отец: Я бы в сыне продолжил путь.
Сын: Мне б, как тебе, навсегда уснуть.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Сильны дикари, злобны были.
Стал за ночь наш брат стариком.
До вечера в грудь его били
И в спину до утра потом.
А утром он лёг, чтоб не встать никогда.
И видевший это не уснёт никогда.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

2. Песнь радости глаз ⁹

Пришла злоба издалека,
Мыслит страх на тебя засаду.
Ночь, - сказали, - будет горька.
Дню, - сказали, - не будешь рада.

Злоба зрела и страх не спал,
Строят козни, чуть утро встало.
Их тебя сломить Бог создал,
И снести их силы дал Он.

В этом доме, что к горю привык,
Ты к субботе чепцом косы скрыла.
Моешь окна и каждый трясешь половик,
Пока стены стоят и стропила.

וּבְנֵיהֶם עֶבְדִּים יְהִיוּ.
סָח הָאָב : לוֹ הִבֵּן לִי יְקוּם בְּעוֹלָם,
סָח הִבֵּן : לוֹ כְּמוֹךָ יָנוּם לְעוֹלָם.
לֹא מִפֶּחַד, בְּתִי, כִּי מִגִּיל אֶתְּ צוֹעֲקֵת.
אֶתְּ יוֹדַעַת, כִּי שָׁקֵר, שָׁקֵר, שָׁקֵר !

אֲמִיץ וְזָקוּף הַפָּרָא,
וְאַחִינוּ בֶן-לֵילָה שָׁב.
וְהִפָּה עַל פְּנִים עַד עָרֵב,
וְעַד בִּקְרַי יָפָה עַל גֵּב.
וּבִבְקָר יִשְׁכַּב לְבִלִי קוּם לְעוֹלָם,
יְכַל הַרוּאָה לֹא יָנוּם לְעוֹלָם.
לֹא מִפֶּחַד, בְּתִי, כִּי מִגִּיל אֶתְּ צוֹעֲקֵת.
אֶתְּ יוֹדַעַת, כִּי שָׁקֵר, שָׁקֵר, שָׁקֵר !

ב. שִׁיר שְׂמֻחַת-עֵינַיִם

עֲלִתָה מְזֻמָּה וּתְקַרְב.
מֵאַרְבַּ הַפֶּחַד שָׁם לָךְ.
וַיֹּאמְרוּ לֹא לֵילָךְ יַעֲרֵב,
וַיֹּאמְרוּ לֹא אֹר-יּוֹם יִנְעַם לָךְ.

וְעֵינַם לֹא עֲצָמוּ מִלִּיל
וּמִיּוֹם הַתְּנַכְלוֹ לְנִגְחוֹ.
וּלְשִׁבְרָךְ יִצְרָם הָאֵל,
וּלְשִׂאתָם נָתַן לָךְ כֹּחַ.

בְּבֵיתְךָ הַמוֹעֵד לְאַסּוֹן,
אֶתְּ שְׁבִיס לְרֹאשֶׁךָ עוֹנֶכֶת.
אֶתְּ שׁוֹטְפָה רְצֻפוֹתֶיךָ וְרוֹחֲצֵת תְּרִיסוֹ.
כָּל עוֹד נָחָה בּוֹ אָבֵן עַל אָבֵן.

⁹ Альтерман превращает "радость бедных" в "радость глаз" и по форме, и по смыслу. На иврите слова "бедняки" и "глаза" – почти омонимы: переставлена (или добавлена, при полном написании) лишь одна буква עֵינַיִם и עֵינַיִם.

О покорная вечная мать
Всех живых, предназначенных тленью!
Ты поставлена грань охранять
Между жизнью и вечным забвеньем.

Тебя жажду всем телом, душой.
Но к тебе устремлён напрасно.
И беззвучно порхает твой смех надо мной.
Я, глухой, его слышу ясно.

Да, я знаю, настанет пора,
Будешь сломлена этой бедою.
И сотрут твою радость, и скажут: "Пора!"
Но пока радость глаз со мною.

3. Песнь света

Опасности нет ничего ясней.
Лицо твоё открыто ей судьбою.
И каждая душа в свой срок между ножей
Лицо врага увидит пред собою.

Блажен, кто в доме взгляд мог видеть гордый твой,
Где траур и опасности повсюду.
Я потерял тебя, но, как арфист слепой,
Плутать в тебе, ликуя, долго буду.

Как нож в руке твоей сверкает!
Так в бронзе свеч огонь играет.
Ты, как невеста в цвете дней, -
В наряде, скроенном с размахом
Несчастьем дня, вечерним страхом,
Как для веселья и гостей.

רעיה נרצעה ונצחית,
אם כל חי הצופה חצרות,
את שומרת הקו היחיד,
המבדיל בין חיינו למות.

ובנוחה ונשאתי ראשי
אל פניה, כי לך כמה.
וצחוקה מעלי מרחף חרישי,
ואני, החרש, שומע.

וידעתי, יראה נחתה,
ובא איד, ופודה מאין?
וימחו שמחתך, ויאמרו: נמחתה! - -
והנה עוד שמחת עינים.

ג. שיר של אור

אין גלוי כספנה.
ואין גלוי מולה כמו פניה.
כל הנשמה, בתי, תבוא עד ספנה.
וצר נשבע: אהיה לך ספניה.

אבל אשרי רואה. יקר נשא ראשה,
בבית הסכנות, בבית האבל.
בצעק אבדתיה ובצהל אמשך,
אתע בה כעור על פי הנבל.

יפה בתי בספניה,
כמו מנורה בזיו קניה,
וכמו כלה באהבה.
כי פארוה לפי חרב,
בפחד יום ופחד ערב,
כמו לגיל ולראנה.

Но и, когда под звон браслетов,
Смеясь, плясала ты для нас,
Рождая хор похвал, приветов,
Среди друзей, в потоках света,
Ведь каждый раз, ведь каждый раз,
Как птица мчит, к гнезду спеша,
О дочь, о дочь!
Искала нож твоя душа,
О дочь, о дочь!

Конец твой близок. Имени лишён,
Он смотрит, непреклонный, цепким глазом.
Как профиль царский на монете, он
На вехах твоей жизни виден сразу.

Жизнь на краю полна, сильнее человек.
Открыто всё, вся паутина в клочья!
На острие ножа нам не стареть вовек.
Как он, сияет твоя юность, дочка.

Как нож в руке твоей сверкает!
Так в бронзе свеч огонь играет.
Так ждёт невеста жениха.
Так в зеркале в лучах заката,
Как пред мечом стоишь одна ты
В сиянье глаз и их греха.

Ты сердцу не даёшь пророчить
Что случится – пусть не сейчас,
Но ощутимо ясно очень,
Хотя не видимо воочию.
И в этот раз, и каждый раз,
Как птица мчит, к гнезду спеша,
О дочь, о дочь!
Всё ищет нож твоя душа,
О дочь, о дочь!

אך גם בקום צחוקה מנער,
בעגילים וצליל צמיד,
וגם עת קומתה תנוע,
בתוך שפעת שמות ותאר,
הלא תמיד, הלא תמיד,
פעוף-כנף לקראת קנו,
בתי, בתי,
יוצא לבה אל ספינו,
בתי, בתי.

את מחשבת קצה. רק שמו אינה קוראה.
והוא נבט קרוב. והוא איתן קבוע.
כדיוקן המלכות על פני האגורה,
בכל תגי חיה הוא טבוע.

חיים על קו הקץ, שלמים וחזקים.
הכל גלוי! הכל! קרעת את כל קוריה!
בתי, על חד ספין לנצח לא נזקין!
כספינים יבריקו נעוריה!

יפה בתי בספיניה,
כמו מנורה בזיו קניה,
וכמו פלה ביום חתן.
כמול הראי בזהר ערב
כן ראיתיה מול החרב,
בזיו עיניה וחטאן.

וגם בקום בכיה מנער
ואת חונקה לבל יגיד
את שיבוא ואין למנוע
את המכונה בשם ותאר - -
הלא גם אז, הלא תמיד,
פעוף-כנף לקראת קנו,
בתי, בתי,
יוצא לבה אל ספינו,
בתי, בתי.

4. Песнь пляски

Я косу твою сжав, с силой буду держать.
Я связал тебя прочно с собою.
Силой духа заставлю стонать и рыдать,
Изогнув твоё тело дугою.¹⁰

Как свет дня, промелькнёт смутно образ мой вдруг,
И ты, в страхе застыв глубоко,
Материнских почувствуешь силу рук,
Словно ветка в руках потока.

Когда в комнате бедной ты стул мой взяла,
Когда пыль с моего ты стираешь стола,
В мелочах ежедневных и ночью поздно
Любовь коршуна кличет и кличет грозно.
Её в целом и в доле любой есть следы,
И, как чудо, редка, и обычной еды.
Дочь, приди! Зарасти не может дорога
От коршуна к твоему порогу!
Подойди! Целый день бы смотрел,
Как чепец твой красив, фартук бел,
И спокойны глаза озорные,
Как серебряный шекель, большие...
Подойди! Нет другой, ты – одна.
Подойди! Как, сестра, ты бедна!..
Перед тем, кто страшен
И нищ,
Со свечой горящей
Склонись.

בְּיַדִּי הַשְּׁבוֹת צְמַתְךָ תַּחֲטֹף,
כִּי קִשְׁרָתִי עָלֶיךָ קִשֶּׁר.
בְּיַדִּי הַמְּצִוֹת תֵּאֱנֹק עוֹד וְתִבֶּךָ
גִּזְרֹתֶךָ הַנִּקְשָׁתֶת כְּגִשֶּׁר.

כְּאוֹר-יוֹם עֲבָרְךָ זְכוּרֹנִי הַעוֹמֵם
וּבְטָרֵם צְעָקָת – שְׁמִים! –
וְהִנֵּה אֶת כַּבֵּת בְּזָרוּעוֹת הָאֵם,
יִכְעֹץ בְּזָרוּעוֹת הַמַּיִם.

בְּעַרְבֵךְ הַדְּאוּג, בְּחֻדְרֵךְ הָעֵנִי,
בְּיַדְךָ הַמְּנַעֶרֶת אֲבִיךָ שֶׁלְחֵנִי,
בְּקִטְנוֹת הַיּוֹמִיּוֹם וּבְשִׁנֵּת הַבַּיִת,
צוּעָקָה, צוּעָקָה אֶהְבֵּת הָעֵיט.
הִיא טְמוּנָה בְּשֵׁלֶם וּמִבְקָעֵת בְּתַג,
וַיַּחֲדֶה כְּמוֹ נֶס וְתִדְרֶה כְּפֶת-בָּג,
בּוֹאִי, בַּת! לְעוֹלָם אֵל יִצְמַח הַשִּׁית,
בְּדֶרֶךְ בִּינְךָ וּבִין הָעֵיט!
בּוֹאִי, בּוֹאִי וְנַחֵז נָא בְּךָ,
בְּשִׁבִיס וּבְסֹנֶר הַמְּטַבֵּחַ,
שְׁעֵינֶיךָ שׁוֹטְקוֹת מִקְצָף,
שְׁגָדוֹלוֹת כְּשִׁקְלֵי הַכֶּסֶף.
בּוֹאִי, בּוֹאִי אַחַת אֵין שְׁנֵיהָ,
בּוֹאִי, בּוֹאִי אַחֹת עֵנִיהָ,
הָעֵלִי הַמְּנוּרָה
בְּחִבּוֹן,
וְחֵלִי פְּנֵי נוֹרָא
וְאַבּוֹן,

¹⁰ Если первая глава книги заканчивается просьбой мертвеца о прощении, то вторая – апофеозом ревности, переходящей в экстатическую пляску. Говоря о мертвеце, о духе, Альтерман называет его "страшный и нищий" – аллюзия на библейское выражение "Страшный Всевышний" (TANACH, Писания, Книга псалмов, 47, 3) Мертвец как бы вершит суд по велению Всевышнего. Но в данном случае речь идёт о соблюдении заповеди верности принципам и духовным ценностям. (А.Г.)

Чтобы в скорби своей
Был жесток,
Воспевай,
Пока тёмнен восток.
Чтоб, как хлеб бы полёг
В суховей,
До косы тебя сжѐг,
До костей.

שִׁיבֵּעַר יְגוֹנוֹ
לְהַשְׁחִית,
שִׁתְּהִי רִינוֹנוֹ
עַד שְׁחָרִית,
וְכִלְלוֹת בְּשָׂרְב
הַקָּמָה,
כֵּן תִּכְלִי בַמֶּצְרִי
עַד צָמָה.

Ты отринута, я – покров твой.
Сделай шаг, и объятая открою,
И рыдать будет вместе со мной
Твоё тело, согнувшись дугою.

כִּי נִתְקַתְּ וְאֲנִי מֵעֹטֶף,
כִּי נִתְרַתְּ וְאֲשִׁיב הַקָּשֶׁר.
כִּי יָדִי הִנֵּה שָׂבוּ, וְתִבְרַךְ
גִּזְרֹתֶךָ הַקְּשׁוּתָהּ כְּגִשְׁרֵךָ.

"Где ты?" – всюду мой слышишь вопрос,
И душа твоя замерла в счастье,
Как несчастье, к тебе я давно уж прирос,
И знаком много лет, как несчастье.

הֵן שָׁמַעְתָּ, הֵן שָׁמַעְתָּ בְּקִרְאִי לְךָ אֵיךְ,
וְהֵאשֶׁר חֲבוּק וּמְחַבֵּק בְּךָ.
כִּי מָכַר אֲנִי לְךָ וּמוֹדַע קְעֵנִיךָ,
וְכִמּוֹהוּ דְבוּק וּמְדַבֵּק בְּךָ.

Бог – свидетель, и ты не могла б отрицать:
Прах мой жив под твоими ногами.
Ложь сумела тебя от меня оторвать,
Но я здесь, это знаем сами.

וְאֱלֹהִים שֶׁהִדְנוּ, וְאֵת מְעִידִי
כִּי חִי חִי הָעֶפֶר לְרַגְלֶיךָ,
כִּי בְשֶׁקֶר וְכַחַשׁ קָרַעְוָךָ מֵאֵתִי,
וְאָמַת הוּא שׁוֹבֵי אֵלֶיךָ.

Тёмным вечером в комнате бедной твоей
Путь мой – красная нить от окна до дверей.
И из всех уголков, за стеной любою,
Слышишь, коршун кричит и зовёт с любовью.
Если с ветром, и с бурей приду, и с дождём,
Словно дверь, задрожав, ты откроешь мне дом.
И под шторы полёт от окна до порога
Меж тобою и коршуном ляжет дорога.
Подойди! Целый день бы смотрел,
Как чепец твой красив, фартук бел.
Подойди, глаз твоих нет краше
Под напев парной пляски нашей.

בְּעֶרְבֵךָ הַדְּאוּג, בְּחִדְרֶךָ הָעֵנִי,
תִּמְצְאִינִי עוֹבֵר כְּמוֹ חוּט הַשָּׁנִי.
בְּנִדְחַת מְכַל זְוִיּוֹת הַבַּיִת,
צוּעְקָה, צוּעְקָה אֶהְבֵּת הָעֵיט.
בַּמָּטָר אִם אָבּוֹא וּבְסוּפָה סוּחָפָה,
כְּדִלְתוֹת רוּחָפָה לִי בֵּיתִי הַיְפָה,
דְּלִתוֹת וְכַמְעוֹף וּלְלוּנֵי הַבַּיִת,
בְּדֶרֶךְ בֵּינָה וּבֵין הָעֵיט.
בּוֹאִי, בּוֹאִי וְנַחַז נָא בְּךָ,
בְּשִׁבְיִס וּבְסִנְר הַמְטֻבָּח,
בִּיחִידוֹת וְתִמְהוֹן עֵינַיִם,
בְּרִנוֹן מְחֹלֵת הַשָּׁנִים.

Подойди! Нет другой, ты – одна.
Подойди! Как, сестра, ты бедна!..
И направь свечу свою
В ночь,
Чтоб я видел красу твою,
Дочь.
Она, дом освещая,
Горит
И, свечою сгорая,
Царит.
Скорбь её будет бить
Без конца
И живого слепить
Мертвеца.

Я – свидетель, не смей отрицать:
По живому ступаешь ногами.
Ложь сумела тебя оторвать,
Но я здесь, это знаем сами.

Глава 3

1. Бубен

В будни большая улица бьёт
В бубны большие весь день напролёт.¹¹

Кончилось лето, черёд за зимой –
Улица в бубен колотит большой.

Старость уходит, а юность цветёт –
Улица в бубен без усталости бьёт.

Толпы служанок и отблеск костров

בואי, בואי אחת אין שניה,
בואי, בואי אחות עניה,
תאירך המנורה
ושאפתיו
את חנה הנורא
כאביב.
את חנה הקרב
והולך
משסע וחרב
ומולך.
ומכה על פני
כמספד,
ומסמא אותי חי,
ואובד!

כי נשבעת ואת מעידי
כי על חי את מצגת רגליך,
כי בשקר קרעוה מאתי,
ואמת הוא שובי אליך.

ג

א. הטנבור

הרחוב הגדול בטנבור הגדול
טפח, טפח כל ימות החל.

חרף הגיע וקיץ הלק
והרחוב בטנבור טפח.

עלמות ושוקים פרחו פרח,
והרחוב בטנבור לא חדל מטפח.

את שפעת נעריו, אמהותיו ואורו,

¹¹ В Мишне и Гемаре, трактующих Талмуд, говорится, что большими бубнами пользовались и профессиональные плакальщицы.

Гулом мне бубен напомнить готов.

*

Где вы, те бубны? И улицы нет.
Где вы, те будни? Где зимы тех лет?

Даже следа не осталось тех дней.
Лето, зима ли, ты бей, бубен, бей!

Девушки, что расцветали в те дни,
Как далеки нынче, бубен, они!

Были бедны мы, нельзя быть бедней,
Но не забудется радость тех дней.

2. Пришелец помнит своих друзей

И стоял против друга друг,
Но исчезло лицо пред ним,
Потому что три камня вдруг
Стали памятником одним.

Ведь давно было ясно мне:
Там, где нет костра и свечей,
Под тремя камнями во тьме
Буду памятью жить друзей.

Встану ночью среди могил,
Камень с облаком видят меня,
Но не город я вспомню, где жил,¹²
Лишь друзей своих имена.

Кто тут грудой камней отмечен?

עלי מהלה עוד דמדומים טנבורו.

*

אי אתה, רחובי, טנבורי הגדול?
איכם איכם ימות החל?

אנה חרף הגיע? אי קיץ הלה?
עלי קיץ וחרף לי ה, טנבור, ה!

על שוקים ונערות שפרחו פרח,
על כל אלה, טנבור, ה לי, הך בכם!

הן מאום לא היה לנו, כל מאום.
רק שמחה ששמחנו, לעד לא תנום.

ב. הַזֵּר זֹכֵר אֶת רַעֲיוֹ

עמדנו פנים אל פנים
עד נמוגו פנים כאד.
יען באו שלש אבנים
ותהיין לאחד גל-עד.

וידעתי אני מראש,
כי בארץ בלי נר ואור,
תחת גל אבנים שלש
עם זכרון הרעים אגור.

ואכן בקומי הליל,
ורק אבן ועב רואי,
לא זכרתי שם עיר ותל,
אך זכרתי את שמות רעי.

מי זה נח תחת גל כורע?

¹² В оригинале "не город, не холм" (Тель-Авив в переводе "холм весны")

Тот, кто в дружбе был камня крепче.
Почему среди мёртвых без друга?
Болен он неживых недугом.
Нет недуга того страшней,
И о нем молчал среди друзей.
Но друзья знали всё наперёд:
Никогда он других не найдёт.
Кто тут грудой камней отмечен?
Тот, кто в дружбе был камня крепче.

Ты безмолвна, земля могил.
Не велишь по камню стучать,
Но во мне, хоть лицо прикрыл,
Продолжал их голос звучать.

Скалит дружба волчицей пасть.
Чем её успокою я?
Ведь живых скромнейшую страсть
Нечем здесь насытить, друзья.

И молчанье вселенной всей
Морем слов наполнилось вдруг.
Боже, дай увидеть друзей,
Гору сбрось с неподвижных рук!

Кто встаёт из-под камня ночью?
Тот, кто в дружбе был камнем прочным.
И к кому он теперь устремлён?
О Господь, лишь друзей ищет он.
Их по имени может назвать
И на пальцах руки сосчитать.
Тонкой нитью к ним сердцем влеком,
И их дружба висит ни на чём...
Кто встаёт из-под камня ночью?
Тот, кто в дружбе был камнем прочным.

איש רעים להתרועע.
למה נח וינדה ממתים ?
כי חלה את חלי המתים.
וחזק החלי גרב
ולא סך בעדו מרעיו.
וגם המה ידעו : עד עולם
לא יהיו לו רעים מלבדם.
מי זה נח תחת גל כורע ?
איש רעים להתרועע.

אדמה את משלכת הס.
את צוית לדופקים חדל.
אך אני על פני אכס,
ורעי בי פקול גדול.

הרעות זאבה, זאבה,
הרגיעה לא אוכל אחי.
פה הרחיבה לאין שבועה
הצנועה בתשוקות החי.

האלמה בחשקי תבל,
איה לפתע מלאה דברים ?
אל רעי אותי, יה, הובל,
יה הסר מעלי הרים !

מי עולה מתוך גל כורע ?
איש רעים להתרועע.
מה הקיץ ואל מי זה ירעב ?
אל רעיו, אדוני, אל רעיו.
אל רעיו הזכורים אות באות,
הספורים לו עלי אצבעות,
המושכים את לבו בניהמה,
התולים לו רעות על בלימה...
מי עולה מתוך גל כורע ?
איש רעים להתרועע.

Нам любовь отцов – тяжкий груз,
Жён любовь на крови стоит.
Дружба как плетёт путы уз?
Что за чувство, где корень скрыт?

Нам её потерять нельзя,
И на нас её знак клеймом.
Знак союза. Да будут друзья,
Туча в небе и почвы ком!

С вами радость я буду делить.
Полечу к вам, случись беда.
Мне, друзья, не дайте остыть.
Дружба, не остывай никогда!

Из-под камня кто молвил слово?
Он, для друга на всё готовый.
А друзья что сказали в ответ?
Вот слова, что сказали в ответ:
"Не смогли разделить нас года,
Не смогли и зависть с бедой.
Не разделит нас никогда
Холм камней, что срослись над тобой".
И сказал: "И беда не беда мне!"
Тот, кто в дружбе был крепче камня.

3. Прогулка на ветру

Ветер в поле помчится, траву теребя.
Закричу: "Ветер, ветер снаружи!"
И тогда наша радость проснётся, друзья,
И по ветру наш хохот закружит.

Напрягу свои чувства, как лучник свой лук,
Вы без слов их поймёте в минуту –
Чувства, чувства без имени явятся вдруг,

נִרְאָה אֶהְבֵּת אַבּוֹת,
עֲקֵבָה אֶהְבֵּת אִשָּׁה.
אֶךְ רַעוּת אֵיךְ טוֹתָה עֲבוֹת ?
מָה חוּשִׁיָּה וְאֵי שְׂרָשָׁה ?

הַצִּילוּהָ מִשָּׂד, רַעִי,
בְּבִשְׂרָכֶם אוֹתָהּ שִׁמוּ צָרְב.
אוֹת וּבְרִית הִיא וְחֵי רוּאִי,
חֵי הַרְגָּב וְחֵי הָעֵב.

בְּגִילְכֶם וְתַגֵּל תְּהוּמֵי
וּבִצָר אֶלֵיכֶם אֶעוּט.
אֵל תִּתְּנוּ לִי, רַעִי, דָּמִי.
אֵל תִּנְיַחֵי לִי אֶת, רַעוּת.

מִי דָבַר מִתּוֹךְ גַּל כּוֹרֵעַ ?
אִישׁ רַעִים לְהִתְרוֹעֵעַ.
מָה עָנּוּ לוֹ רַעִיו, מָה אָמְרוּ ?
זֹאת עָנּוּ לוֹ רַעִיו, זֹאת אָמְרוּ :
לֹא הִפְרִידוּ בֵּינֵינוּ שָׁנִים,
לֹא הִפְרִידוּ קְנָאָה וְאִיד,
לֹא יִפְרִידוּ שְׁלֹשׁ אַבְנִים
שֶׁהָיוּ לְאַחַד גַּל-עַד.
מִי שָׁמַח תַּחַת גַּל כּוֹרֵעַ ?
אִישׁ רַעִים לְהִתְרוֹעֵעַ.

ג. הטיוול ברוח

רוח יך בִּירֵק וְהִלֵּךְ עַל רְחוֹק
וְקָרָא בְּחוּצוֹת רוּחַ רוּחַ !
עוֹד תִּלְךָ שְׂמִחַתְנוּ הִלֵּךְ וְצַחֵךְ
וְעָלָה צְהַלְנוּ מְרוּחַ.

וְדַרְכֵתִי חוּשִׁי כְּמוֹ דְרוֹךְ הַקֶּשֶׁת
וְשִׁלַּחְתִּים וְשָׁמְעוּ לִי בְּלִי אִמְרַ.
הַחוּשִׁים, הַחוּשִׁים, מְלִבִּישֵׁי הַמִּפְשָׁט,

Разрывая материи путы.

И коснусь я, друзья, ваших согнутых спин,
Закричу: "Ветер, ветер снаружи!"
Подмигну, и, когда засмеётся один,
Смех наш общий по ветру закружит.

Вспомним ссор наших прежних и шуток накал,
И слова – что всерьёз, что впустую,
И раздор (он, как кот, иногда пробегал),
Нашу дружбу тех лет непростую.

Каждый был не как все, сам себе голова,
Но прощали не раз и немало
Ради дружбы, что в равенстве только жива
И на разнице вкусов мужала.

Вспомним всё, что видали – вразброс и подряд,
Вспомним ту, что любили когда-то.
Как тайник ювелира, темнел её взгляд,
Но блестел, обещаьем богатый.

Мы по-доброму вспомним всё это, не зло.
Даже зло мы припомним без злобы.
То, что было, то было, что было – прошло
Или быть так, как помним, могло бы.

Я коснусь вас ещё раз спиной иль плечом,
Если ветер начнёт вдруг буяннить.
Мы, друзья, поглядим друг на друга ещё.
Как в скрижаль, вы мне врезаны в память.

וְקוֹרְעֵי לְבוּשֵׁי שֵׁל הַחֹמֶר !

וְנִגְעֹתַי, רַעִי, בְּגִבְכֶם הַשְּׂפוּף
וְקוֹרֵא בְּחוּצוֹת רוּחַ, רוּחַ !
וְהַבְטָתִי בְּכֶם בְּמִצְמוּץ וְעִפְעוּף
וְעֵלָה קוֹל צְחוּקְנוּ מֵרוּחַ.

וְזַכְרֵנוּ, רַעִים, עֵת רִגְזוֹת וְהַתּוֹל
וְמַלִּים שֶׁל מִמָּשׁ וְשֶׁל הַבֵּל.
וְמַרְיבוֹת שֶׁעֲבָרוּ כְּעִבּוֹר הַחֶתּוֹל,
וְשָׁנִים שֶׁקִּשְׁרוּנוּ בְּחֶבֶל.

וְהַיּוֹתְנוּ טְבוּעִים אִישׁ בְּמוֹם צְבִיוֹנוּ
וְסִלְחָנוּ אוֹתוֹ מִדֵּי פֶעַם,
בְּרַעוּת, הַחַיָּה עַל עֵקֶר-שְׁוִיוֹנוּ
וְעֵקֶר־י-הַבְּדִלְיוֹ שֶׁל הַטַּעַם.

וּמַרְאוֹת עוֹד נִזְכּוֹר, נִקְטְעִים וְרִצּוּפִים,
וְעֵלְמָה שְׂאֵהֲבָנוּ בְּרִמָּז.
שְׂאֵפֶל מְבֻטָּה כְּמוֹ שׁוּק הַצּוֹרְפִים
וְכְמוֹהוּ נוֹצֵץ וְרַב-רִמָּז.

וְזַכְרֵנוּ כָּל אֵלָה לְטוֹב לֹא לְרַע,
וְהַרַע לְטוֹבָה נִזְכָּרְנוּ.
וְנִזְכָּרְנוּ לְאִמּוֹר : גַּם הִיא, גַּם קָרָה,
גַּם עָבַר וְחִלַּף וְאִיבָנוּ.

רַק אֶגַע בְּכֶם עוֹד, אִם בְּגַב אוֹ כֶּתֶף,
עֵת כְּאֵז, בְּחוּצוֹת תִּלְךְ רוּחַ.
עוֹד נְבִיט זָה בְּזָה, עוֹד הַבֵּט וְעִפְעֵף...
חֲרוּתִים לִי אֶתֶם עַל לוּחַ.

1. Сказ о глупом и мудром

Ещё будут судить - рассуждать,
Старый сказ повторяя не наспех,
Как смогла глупость притчею стать,
И как мудрость подняли на смех.

Скажут: В день, когда враг подступил,
Мудрый хитростью ум заострил.
Для глупца глупость - помощь давно,
Но обоих постигло одно.¹³

Как щадит солнце путника в поле,
Мудрость мудрых щадит в горькой доле.
И решил мудрый: "Буду умнее,
Я с врагом поладить сумею.
Я с приветом приму,
Приоткрою суму.
 Как дурак, стану жить
 И, как глупый, мудрить.
...Но, как он, покорился судьбе я".

Как голубка птенцов прикрывает,
Глупость глупых своих защищает.
"Я сдурил". - Дурачок признался. -
"Когда враг подступил, опасался,
Взвесил с разных сторон
И решил: это – сон.
Лёг в кровать и застыл.
Я, как мудрый, сглупил
...И среди мудрецов оказался".

א. מקרה הכסיל והחכם

איש את אחיו עוד ישאל,
גם שירה עוד תגד ישנה,
על כסילות שהיתה למשל
וחכמה שהיתה לשנינה.

והגד : ביום צר אשר קם,
הערים החכם ויחכם,
ולכסיל הכסילות נתנה יד,
ויקרים המקרה האחד.

כחונן החמה את רחומיה,
חוננה החכמה את חכמיה.
ויאמר החכם : חכמתי,
ואראה כי בא צר, ולא נמתי.
ואאיר לו פני
ואתי חשבוני
ואבטח ואספיל
ואפת כמו כסיל,
וקמוהו לגוע תמתי.

כגונן היונה על גוזליה,
גוננה הכסילות על כסיליה.
ויאמר הכסיל : נואלתי,
ואראה כי בא צר והתחלחלתי.
ואשקיף בחלון
ואבין כי חלום.
ואשכב ואחם
ואפת כחכם,
ובקהל חכמים נפלתי.

¹³ "И увидел я, что есть преимущество у мудрости перед глупостью – такое же , как преимущество света перед тьмою. Глаза мудреца – в его голове, а глупый ходит во тьме. Но и то я узнал, что единая участь постигнет всех их". (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 2, 13-14).

Ещё будут судить - рассуждать,
Старый сказ повторяя при всех,
Как смогла наша жизнь притчей стать
И как смерть наша вызвала смех.

И, как солнца пощада не вечна,
Мудрость мудрых погубит, конечно.
Как голубка оплачет птенца,
Глупость тоже оплачет глупца.

Пусть живой, если жив будет, вспомнит не раз,
Чем о глупом и мудром закончился сказ.

2. Куда девать стыд?

Есть выжить шанс живым, и может полегчать
Забытым... но вопрос: куда нам стыд девать?

Приблизься, мой позор, твоею лирой буду.
Как другом юности ты был мне, не забуду,
Когда, как язва, в плоть мою проникнуть смог,
И как со мной старел и в гроб со мною лёг.

Стыд нищеты! Наряд изношенный на мне
Не скрою от тебя и под землёй во тьме.
И стыд спины – над ней я власть ударам дал,
Не скрыться от него мне ни в какой подвал.
Стыд страха, слабость рук беспомощных и речь –
Ложь, лесть, мольбы – и всё, чтоб шкуру уберечь.
И стыд обид, что нам написан на роду
И, что всего страшней, привычка ко стыду...
Ты – плод моих трудов и дом на склоне дней,
Всей моей жизни стыд и смерти стыд моей.
Но и став прахом я
Не скроюсь от тебя.
Хоть камнем в реку, нам

איש את אחיו עוד ישאל,
גם שירה עוד תגד ישנה,
וחיינו יהיו למשל
ומותנו יהיה לשנינה.

ככלות החמה את רחומיה,
כלתה החכמה את חכמיה.
פקונו על גזזליה היונה,
הכסילות עלי כסיליה קונונה.

ואם יחיה החי והתנוחם,
יזכור איך תמו כסיל וגם חכם.

ב. לאן נוליד את החרפה

לנשכחים ירוח. ולחיים ירפא.
אבל לאן נוליד את החרפה?

תקרב נא חרפתי. אהיה לה כנוריה.
אזכור ואף אזכיר לה חסד נעוריה.
לכתה אחרי כרוכה כנגע בל ימור.
וזקנתה אתי, ורדת שנינו בור.

חרפת עניי, מראי, בגדי אשר בלה –
לא אסתר ממך בארץ אפלה.
חרפת גוי אשר נתתי למכים –
לא אחבא ממך במים עמקים.
חרפת פחד ורפות ידי לאין עזור,
ושקר ותחנון וחנף בעד עור,
וזכר עלבוני על בן ובני בנים,
ומקח ההרגל עם בשת הפנים - -
חרפת חיי היית, חרפת מותי היית,
בת יגיעי היית, ונות ביתי היית.
כי בעפר אבוא,
ואין ממך מחבוא.
ביאור אצלול כמטיל,

Спасенья нет и там.

ואין ממה מציל.

И потому без сна на страже я лежу
И, вспомнив беды все и стыд, я так скажу:

על כן דרוך דרוך אשכב על המשמר,
וגם אזכור כל אלה וקזאת אמר :

Есть выжить шанс живым, и может полегчать
Забытым... Будут вновь они весну встречать,
Но вот вопрос: куда, куда нам стыд девать?

לנשכחים ירוח. ולחיים ירפא.
וארץ עוד תחליף קיצה וגם חרפה.
אבל לאן נוליד את החרפה ?

Ты братьев тысячи, позор, клеймом клеймишь,
В их спины плёткой вбит и в их рубцах горишь!
За глупостью сует идут – слепцы – всегда.
Укрой их, чтоб никто не видел их стыда!

חרפה, על רבבות אחים הנה מוקעת!
בצללקתם בערת ועל גבם מכה את!
כי הבלים סמאום! כי אילים רמום!
כפי אותם חרפה! אל ידע מאום!

И сильные, что на смех выставят себя,
Не скроются в глуби трясины от тебя.

חרפת החזקים אשר היו לצחוק –
לא נסתר ממה בטיט-יון עמק!

И тем, кто в миску супа скрылся с головой,
В похлёбке от тебя стыд не упрятать свой.
И стыд тем мудрецам, кто ложь не распознал,
Тем, кому нет числа, но кто добычей стал,
Кто скошен без труда, угрозе уступил!
Позор, ты сыт уже? Ты жажду утолил?
Ты – наших жизней стыд и наших стыд смертей,
Ты украшаешь нас и ты могил верней.
Когда ж не станет дня
И сгинет тень твоя?
Где голову склонить,
Чтоб ты не стал давить?

חרפת כובשי ראשם בבשר הפרורים –
לא נחבא ממה במים ארורים!
חרפת החכמים אשר הלכו שולל,
חרפת רבים כים אשר נפלו ששלל,
קצורים באפס-יגע ובהרום שרביט - -
חרפה, האם שבעת? חרפה, האם רות?
חרפת חיינו את, חרפת מותנו את,
כליל עדיינו את ונות קברנו את.
מתי יגיע ליל
ולא נראך כצל?
איפה נניח ראש
ולא תשופי ראש?

И потому лежим на страже мы без сна
И скажем, вспомнив всё, чем жизнь была полна:

על כן דרוכים דרוכים נשכב על המשמר,
וגם נזכור כל אלה וקזאת נאמר :

Есть выжить шанс живым, и может полегчать
Забытым... Будут вновь они весну встречать,
И будут вновь скорбеть и свадьбы вновь играть,

לנשכחים ירוח. ולחיים ירפא.
וארץ עוד תחליף קיצה וגם חרפה.
ותמלא קול אבל ונגינות חפה.

Но вот вопрос: куда, куда нам стыд девать?

3. Предатель

- Мы дух испустили. - Промолвили павшие.
- Без сил мы остались. – Шепнули ослабшие.
Но тот, кто виновен был, промолчал,
И тот, кто предал, не сказал: "Предал".

Достиг края поля предатель-беглец.
Шлёт камень в него не живой, а мертвец.

Он замер на миг,
И камень настиг.
Повернул лицо –
И камень в лицо.
Вскричал предавший: Кто в поле со мной?
Ответил метнувший: Я в поле с тобой.

И предатель сказал: Возвратись на покой!
Бог праведен был, суд верша над тобой.

Когда за стеной взывали, крича,
Стыдливо молчал ты без сил.
В муках корчился брат твой в руках палача,
Ты ж руками уши закрыл.

Ты семь раз предал, опозорив отца.
Рот раскрыл, моего не стесняясь лица.
Ты мне страшен, я бледен и начал дрожать,
От тебя я хочу на край поля бежать.

Кто скажет: безгрешным пропал я?
Кто скажет: не дрогнув, упал я?
Виновный шепнёт: "Я в ответе!"
"Я предал! - предатель ответит. -

אָבֵל לָאֵן נוֹלִיךְ אֶת הַחֶרֶף ?

ג. הבוגד

אָמְרוּ הַנוֹפְלִים : לְגֹועַ תִּמְנוּ.
אָמְרוּ הַכּוֹשְׁלִים : אֲבָד אֲבָדְנוּ.
אָבֵל אֲשֵׁמִים לֹא אָמְרוּ : אֲשִׁמְנוּ,
אָבֵל הַבוֹגְדִים לֹא אָמְרוּ : בְּגַדְנוּ.

הִנֵּה הַבוֹגֵד רָץ בְּפֶאתַי הַשָּׂדֶה.
לֹא חַי כִּי הֵמֵת בּוֹ הָאֶבֶן יָדָה.

וְרָץ לְרִיק
וְהָאֶבֶן תִּדְבִּיק.
וְהִפֵּךְ אֶת פָּנָיו
וְהִכָּה עַל פָּנָיו.
וְצִעַק הַבוֹגֵד : מִי בַשָּׂדֶה ?
וְעָנָה הַסּוֹקֵל : אֲנִי בַשָּׂדֶה.

וְאָמַר הַבוֹגֵד : שׁוּבָה, מַת, לְמְנוּחָתְךָ.
כִּי צָדִיק אֲדוֹנִי עַל כָּל הַבָּא עֲלָיָה.

כִּי צִעַק עָלָה מְקִיר
וְאֵתָה שְׁתַּקַּת עַד בּוֹשׁ.
כִּי עָנּוּ אֶת אַחִירָה מֵעֵבֶר לְקִיר
וְאֵתָה כָּבַשְׁתָּ רֹאשׁ.

וְשִׁבַע בְּגִדְתָּ, כְּלִימַת אֲבִיךָ,
וְהִנֵּה לִירְאֵנִי הִרְחַבְתָּ פִיךָ,
וְאָנוּס מִפְּנֵיךְ לְפֶאתַי הַשָּׂדֶה,
וּפְנֵי יוֹרְדִים דָּם, מִפְּחִידֵי בַשָּׂדֶה.

מִי יֹאמֵר : חָף מִפֶּשַׁע תִּמְתִּי ?
מִי יֹאמֵר : עַל לֹא חָטָא אֲבָדְתִּי ?
יֹאמֵר הָאִשָּׁם : אֲשַׁמְתִּי,
יֹאמֵר הַבוֹגֵד : בְּגַדְתִּי.

Я долг свой забыл, не исполнил.
И слова со страху не молвил".

ויאמר הבוגד : בגדתי.
ואירא, ודבר לא הגדתי.

Глава 5

ה

1. Песнь упокоения

א. שיר של מנוחות

Ты в тревоге сейчас, но придут времена:
Вечер упокоения ждёт нас, жена!

לא שלות ולא נחת. אף כעת חיה
עוד נכון לנו ערב מנוחות, רעה.

Ты откроешь окно. Вся – покой, не узнать!
Люльки ветер начнёт и висящих качать.
Скажет ветер: "Привет, вожаки и стада!"
Запоёт хор девичий песнь скорби тогда:
"Заплетаем мы косы, утих ветерок.
Как сегодняшний вечер хорош, видит Бог.
Мы померкнем с вечером вместе,
Но пока продолжаем песню".

ופתחת חלונה ורגעת בו פלאים,
והרוח תנע עריסות ותלויים,
והרוח תאמר : בני צאני ואלי,
ונערות תזמרנה את שיר אללי,
וזמרו נערות : צמותינו קלעים,
והערב עלינו יפה לאלהים,
והנה כמו ערב חשכנו,
והנה מזמרות אנחנו.

Ты в тревоге и в горе, но видеть должна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена.

רבו צער ורגז. אף את הרואה,
כי נכון לנו ערב מנוחות, רעה.

Мы гадаем без слов: кто покой обретёт,
Кто растерзан умрёт, кого пламя сожжёт,
Кто окажется вдруг одинок, о судьбе
Не решаясь от страха сказать сам себе.
Но рассеялся в мыслях твоих мрак тревог.
Как сегодняшний вечер хорош, видит Бог.
Вместе с вечером меркнем мы тоже,
И уже мы на ночь похожи.

והרהרנו דומם : מי באש יצרף
ומי ישקט, בת, ומי יטרף,
ומי ישאר לבדד, ואולי
לא תקום בו גם רוח לומר אללי.
והנה הרהורינו רוגעים וגלויים
והערב עלינו יפה לאלהים,
והנה כמו ערב חשכנו,
והנה חשכים אנחנו.

Не ждала. Не молила. Но видеть должна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена.

לא פללת. לא חפית. אבל את הרואה,
כי נכון לנו ערב מנוחות, רעה.

И коснётся тебя молча Радость слегка,
И уже поседел завиток у виска.
Будешь счастлива ты, словно ночь, побледнев,
Та, в которой лишь месяц и скорбный напев.
Скажешь: "Муж мой в лохмотьях ступил на порог.
Я любимому мужу жена, видит Бог.
Посмотрю и покроюсь тьмою.
Зубы стисну, не вскрикну, не взвою".

2. Когда видящих скроет тьма

Когда тьма коснётся их глаза,
Все их беды сотрутся разом.
Когда видящий видеть не будет,
Все несчастья сразу забудет.¹⁴
Мы придём – никого не боимся.
Успокоимся, осветимся.
Поведём речи тайные страстно
О земле необъятной прекрасной.
И числом мы – песок в пустыне.
Праху нашему – мир отныне.

И, чем кладбища будут краше,
Легче беды забудутся наши.
Мы, нежданные, жаждем покоя,
И сердца прорастут травойю.
Мы смешаемся с известью, с солью,
И проступим из яблока доли.
И забудем чему нет забвенья,
И простим всё, чему нет прощенья.
Когда топчущий скажет: ступаю!
То ответит наш прах: прощаю.

וְנִגְעָה בְּךָ בְּלִי קוֹל הַשְּׂמֵחָה הַרְקָה,
וְהַלְבִּין הַשְּׁעָר הָעוֹטֵר לַרְקָה,
וְהָאִשֶׁר יִגַּע וְחֹרֶת כְּלִילִי
בְּהִלָּךְ בָּם יֵרַח וְשִׁיר אֱלִילִי.
וְדַבְרָת : זֶה דוֹדֵי הָעוֹלָה בְּבִלְוָאִים
וְאֲנִי לוֹ אֲשֶׁתוֹ הַיְפָה לְאֱלֹהִים,
וְאֶרְאֶה אֶת פְּנֵיו וְחִשְׁכָתִי,
וְלֹא אֲבָהּ, כִּי שִׁפְתֵי נִשְׁכָּתִי.

ב. כְּאֲשֶׁר הָרֹאוֹת תַּחֲשַׁכְנָה

כְּאֲשֶׁר הָרֹאוֹת תַּחֲשַׁכְנָה.
כָּל הָרְעוֹת תַּשְׁכַּחְנָה
כָּל הָרְעוֹת תַּמְחִינָה,
כְּאֲשֶׁר הָרֹאוֹת לֹא תִרְאֶינָה
וּבְאֵנוּ אֲשֶׁר לֹא יִגְרְנוּ
וְשִׁלּוֹנוּ וְנַחְנוּ וְאֶרְנוּ.
וְעַל אֶרֶץ רַבָּה נִמְתִּיק שִׁיחַ.
וְקוֹלְנוּ שֶׁפֶל מִסוּד-שִׁיחַ.
וְהִיָּה כְּמוֹ חוֹל מִסְפָּרְנוּ.
וְהִיָּה שְׁלוֹם לְעַפְרָנוּ.

כְּאֲשֶׁר חֲצֵרֵימֹות תַּפְרַחְנָה,
כָּל הָרְעוֹת תַּשְׁכַּחְנָה.
וּבְאֵנוּ אֲשֶׁר לֹא נִבְאֵנוּ
וְהוֹרִיקוּ דְשָׂאִים עַל לִבְנוּ.
וּבִסִּיד נִתְעַרְב וּבְמִלַּח
וּבְתַפּוּחַ בֵּין פְּלַח לְפִלַּח
וְנִשְׁכַּח אֶת אֲשֶׁר אֵין לְשִׁכּוּחַ,
וְנִסְלַח לְאֲשֶׁר אֵין לְסִלּוּחַ,
וּבְקִרְוֹא הַדּוֹרֶךְ : דְּרַכְתִּי,
וְדַבֵּר הָעֶפֶר : סִלְחָתִי.

¹⁴ "Мёртвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, так как память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их давно исчезли, и доли нет им более вовеки ни в чём, что делается под солнцем". (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 9, 6)

Как в литавры, мои кости бьются
Не о видевших, тьмою укрытых:
Морем слёз мои кости прольются
О несчastьях, слезами омытых.
Тогда скажут: "Забудьте про боли!
Да не будут помянуты боле!
Жизни – да, - они скажут, - нет – смерти!"
Скажет так бить готовый до смерти.
Ты шепнёшь, как вода: "Забудь, гость мой!"
Как в литавры, ударят кости.

О жена, друг, что всех милее!
Будет горше день, ночь больнее,
Но, когда тишина нас укроет,
Да не вырастет сердце травую!
В гроздьях, в дольках плодов да не будем,

Не украсим царское блюдо!¹⁵
Не забудем чему нет забвенья,
Не простим то, чему нет прощенья!
Мы клянёмся, и пусть нас не судят:
Праху нашему мира не будет.

3. Молитва о мести

Днём, ночью писал кнут, макаясь в кровь,
А спины упавших листьями служили.
Но сбитый кнутом будет счастлив вновь,
Коль вернётся он тьмой саранчи и пыли.

Мертвецу не страшны ни хулитель, ни льстец.

עֲצְמוֹתַי כְּמַצְלֵתַיִם הַכָּנָה,
וְלֹא לְרוֹאוֹת כִּי תַחֲשַׁכְנָה.
עֲצְמוֹתַי כְּמוֹ מַיִם בְּכִינָה,
לְרַעוֹת כִּי הִנֵּה תִמְחִינָה.
אֲזַי אִמְרוּ: לְרַעוֹת אֵל זָכָר!
וְאִמְרוּ: יִמַח שֵׁם וְזָכָר!
וְאִמְרוּ: לַחַיִּים לֹא לַמּוֹת!
וְאִמְרָה זֹאת מִכָּה בֶן-הַמּוֹת!
וּבְדַבְרָךְ לִי כַמַּיִם: שְׁכַח-נָא,
עֲצְמוֹתַי כְּמַצְלֵתַיִם תִּכְנָה.

רַעִיָה, רַעִיָה וְרַע,
יוֹם יִמַר עוֹד וְלֵיל יִרַע,
אֶךְ בְּקוֹם הַדְּמָמָה בְּמִסְבְּנוֹ
אֵל יוֹרִיקוּ דְשָׂאִים עַל לַבְנוֹ.
אֵל נְדוּם בְּאֶשְׁכּוֹל וּבְפָלַח,

אֵל נוֹבֵא אֶל שְׁלַחַן הַמֶּלֶךְ,
אֵל נִשְׁכַּח אֶת אֲשֶׁר אֵין לְשִׁכּוֹחַ,
אֵל נִסְלַח לְאֲשֶׁר אֵין לְסְלוּחַ,
כִּי נִשְׁבַּעְנוּ הַיּוֹם בְּעוֹרְנוֹ,
כִּי שְׁלוּם לֹא יִהְיֶה לְעַפְרָנוֹ.

ג. תפילת נקם

אם לילה ניום דבר השוט,
הנהו כתוב על גבי כעל ספר.
גם נפל הנופל, כי נכרת בשוט,
אך אשרי החוזר כארבה ואפר.

כי מספד ואלות לא יוכלו למת.

¹⁵ Выше было сказано: "И проступим из яблока доли", т.е. на праздничной трапезе победителей проступим соком на дольках яблок. А, может быть, это намёк на участь, ожидающую царя: в ТАНАХе (Пророки, Йеошуа, 12,18) написано, что евреи, вернувшись из египетского рабства на Землю обетованную, по велению свыше перебили царей всех городов, которые им сопротивлялись – Иерихона, Хеврона, Шхема и ...Яблока. Сейчас есть перекрёсток дорог с таким же названием. (А.Г.)

Палкой выгнанный псом вернётся,
Будет бит, опозорен, враг скажет: "Мертвец",
И глумясь от него отвернётся.

וּבְמַקְלוֹת יִגְרֹשׁ וְחִזְרׁ כְּכֹלֵב.
כִּי הִכּוּ גַם חֲרָפוֹ, וַיִּגִּידוּ מֵת.
וַיִּשְׂיִמוּהוּ לְצַחֲוֹק וְקֵלֶס.

Его гонит, как плетью, страх.
От зажжённой спички бежит
На соломенных он ногах.
Голос рваной бумагой шуршит.

וּבְמַגָּע הַיִּרְאָה יוֹחֵשׁ,
וּבְהִבְהוּב הַגִּפְרוּר יוֹאֵר,
וְלִכְתּוֹ כְּהַלֹּךְ הַקֵּשׁ
וְקוֹלוֹ כְּקִרְיַעַת הַנֵּיֶר.

И воззвал он: "Прими на себя, Отче, бой!
Посмотри, как смеётся наш враг надо мной.
Не оставь, не шепчи мне: "Лежи, сын, лежи..".
Ты же видишь, обиды горьки и свежи.
Не забудь, что досталось рабу Твоему.
То, что сделали сто, не забудь одному.
Взыщи с них гнев горстки обёрнутых в тлен,
Бог мёртвых, будь благословен!

וְהִלֵּךְ וַדְּבַר : קוּם, הָרַב אֶת רִיבִי.
קוּם, הָרַב אֶת רִיבִי, כִּי צָחַק מִחֲרִיבִי.
אֵל תִּטְשֵׁנִי הַיּוֹם. אֵל תֹּאמֶר שָׁכַב, בְּנִי, שָׁכַב.
קוּם וּרְאֵה אֶת עֵלְבוֹן עַבְדְּךָ מִצְרִיּוֹ.
אֵל תִּשְׁכַּח, אֵל תִּשְׁכַּח אֶת אֲשֶׁר עָשׂוּ לּוֹ.
אֵל תִּשְׁכַּח לְאַחַד שְׂמֵאָה יְכַלּוּ לוֹ.
תִּרְצָה לְפָנָיִךְ חֲמַת מְעֻטִים,
בְּרוּךְ אֱלֹהֵי הַמֵּתִים.

Рот мой прахом забит, я врагу – для смешка.
Неба стал я старше вдруг вдвое.
Ненависть дай мне серее мешка,
Тяжелей, чем снесли бы двое.

יַעַן פִּי בַעֲפָר וּמִחֲרָפִי צָחַק,
יַעַן פָּתַע זָקֵנְתִי כִימֵי שָׂמִים,
תֵּן לִי שִׁנְאָה אֶפְוֶרָה כְּשֵׁק,
וּכְבֹּדָה מִשְׂאֵתָהּ בְּשָׂנִים.

К посрамившим меня неживым выйду я,
Будут полной луной им светить мои мощи.
Враг в ущелье и в роще топтал меня,
Буду гнаться за ним и в ущелье, и в роще.

אֵל חוֹרְפֵי הַחַיִּים אֵלֶּךָ לֹא-חַי,
וְזַרְחָתִי לָהֶם כְּלִבְנָה בְּלֵב חַדָּשׁ
עַל פְּנֵי חֲרָשׁ וְגִיא רְדָפוֹנֵי דוֹרְכֵי,
וְרִדְפָתִים גַּם בְּגִיא גַם בַּחֲרָשׁ.

Чтобы из лесу смог лесоруб подтвердить,
Чтоб увидеть могли зверь и гад,
Что не смертью желал Ты раба умертвить,
А чтоб смог саранчой вернуться назад.

וּרְאוּ הַכּוֹרְתִים בְּעֵלוֹת הַפּוֹרֵת,
וּמִיַּעַר תִּרְאֵה הַחַיָּה,
כִּי אֲכֹן לֹא חִפְצָתָ בְּמוֹת הַמֵּת,
כִּי אִם בְּשׁוּבוֹ כְּאַרְבֶּה וְחַיָּה.

Встань! Прими этот бой и веди до конца!
Кровь раба Твоего здесь взывает к Тебе.
Отче, встань! Отче, бей! Исполняй долг отца!

קוּם, הָרַב אֶת רִיבִי ! מַעֲפָר, מַכּוּכִים,
צַעֲקוּ לָךְ דְּמֵי עַבְדְּךָ הַשְּׂפוּכִים,
קוּם, הָאֵב ! קוּם וּטְרוּף ! כִּי עַל כֵּן אֶתָּה אֵב !

И обидам раба Твоего есть предел.
 Ведь о чём Тебя просит, Всевышний, раб Твой?
 Лишь до горла врагов дотянуться рукой.
 Чтобы дал Ты проникнуть ему в стан врагов
 И во тьме дотянуться до глаз, до зрачков.
 Горечь в сердце его, и он тяжело скорбит,
 Ведь на чёрной земле был он до смерти бит.
 И, заплёван совсем,
 Целый день глух и нем,
 Он не мог пить и есть
 И решил: "Будет месть!"
 Чтоб отпраздновать месть, всё отдаст отныне,
 Пусть лишь глазом одним сможет зреть святыни.
 Несказанная радость зальёт его грудь.
 Да не будет приказ Твой: "Прости и забудь!"
 Не забудь, что досталось рабу Твоему.
 То, что сделали сто, не забудь одному.
 Взыщи с них гнев горстки обёрнутых в тлен,
 Бог мёртвых, будь благословен!

4. Заклинание

Он хлеб мой осквернил, жизнь отравил до дна,
 Мне кости раздробил. Он предо мной, взглядишь:
 Хлеб пышен у него, жизнь, как река, полна,
 Костям его нет бед. Явись, Господь, явись!

Явись, Господь, явись! Он предо мной, он здесь.
 Дай мне его живым: я им живой был бит.
 Он полнил чашу бед, им дом разрушен весь.
 Дай мне его живым! Как ненависть горит!

Взял, судей подкупив, что я добыл трудом.
 Сказал: "Пришёл резник!", и я в крови поник.
 И нет ему судьи, плоды труда при нём,
 А где найдётся, мать, и на него резник?

כי יש קץ לעלבון עבדך מצריו!
 וכי מה יבקש עבדך, אבא רם?
 רק לשלום ידו אל חלקת צוארם.
 וכי מה במעונם יבקש עבדך?
 רק בבת אישונם יבקש עבדך,
 כי כבדה תוגתו ולבו עליו מר,
 כי הפוהו צרים על אדמת החמר,
 וישלחו בו רקם,
 ויאמר יש נקם.
 וישימוהו אלם,
 ויחרש יום שלם.
 ובחוגג נקמתך כשבת וחדש,
 באחת מעיניו לו יראה בקדש.
 ובהבריק שמחתו הגדולה מספר,
 אל תאמר לו: רחם! אל תקרא לו: כפר!
 אל תשכח, אל תשכח את אשר עשו לו.
 אל תשכח לאחד שמאה יכלו לו.
 תרצה לפניה חמת מעטים,
 ברוך אלהי המתים.

ד. השבעה

שאת לחמי ארר, שאת חיי מרר,
 שעצמותי פרר, הנהו לעיני!
 לחמו שמנה מבר, חיי גאו נהר,
 לעצמותיו משמר, - הופע נא אדוני!

הופע נא אדוני! הנהו לעיני!
 ולי תתנהו חי, כי חי אותי ענה!
 מלאה כוס יגוני. מתום אין במעוני.
 ולי תתנהו חי, כי צועקה שגאה!

שאת שופטי שחד, ועמלי שחת,
 ויאמר בא שוחט, - הנהו על דמי!
 ואין עליו שופט, ועמלו שוקט,
 ושוחטו כמת, - ישמח לבב אמי!

Я матерью клянусь: он весь в крови моей.
Пусть будет жив пока, ведь им живой я бит.
Молись, мать, чтобы он был цел, живых живей,
Пока не встану. Мой он! Ненависть горит!

Моих всех братьев он повесил на суках –
На дубе, на сосне, на липе у пруда.
Работал до темна, до ломоты в руках
И, кончив, он сказал: "Да будет так всегда!"

Сказал: "Да будет так!" и среди них стоял
Живой, каким пытал их. И сейчас стоит.
И не сгорел в огне, и в бездну не упал.
Он – мой и братьев всех. Пусть ненависть сгорит!

5. Подполье

Мы живём у всех под ногами,
И над нами толща земная.
Вместо мышц обросли волосами. ¹⁶
Нас связала клятва святая.

О земля наша, отчее поле!
Ты оружие хранила для нас.
Знака лишь ожидает подполье,
Ни на миг не смыкая глаз. ¹⁷

יִשְׁמַח לְבַב אִמִּי! הִנְהוּ עַל דָּמַי!
יִחְיֶה עַד יוֹם קוּמִי, כִּי חַי אוֹתִי עֲנֵה!
תִּתְפַּלְלִי אִמִּי, שְׁלֹא יִכְהוּ מִי,
כִּי לִי הוּא בְּקוּמִי, כִּי צוּעְקָה שְׁנֵאָה!

שָׁאֵת אֲחִי תָלָה עַל אֲרֹן וְאֵלָה
וְעַל תַּרְזָה שְׁתוּלָה, - הִנְהוּ בֵּין אָחִי!
וּבִקֵּר אֹזֶר עָלָה, וְעָרַב שְׁחוֹר כָּלָה,
וְהוּא מְלֹאכְתּוֹ כָּלָה, וַיֹּאמֶר כֹּה לְחִי!

וַיֹּאמֶר כֹּה לְחִי, וְהוּא עוֹד בֵּין אָחִי!
וַיִּקְיֹפוּהוּ חַי, כִּי חַי אוֹתָם עֲנֵה!
וְלֹא נִבְלַע בְּגִיָּא וּבְאֵשׁ מְאֹדוֹנִי,
כִּי לִי הוּא וְלֹאֲחִי, כִּי חָרַם לְשֵׁנֵאָה!

ה. הַמְּחֻתָּרֵת

עֲמֻקִּים וְהוֹיִם אֲנַחְנוּ.
אֲרֶץ רַבָּה עֲלֵינוּ.
עֲבֵתִים כִּי שְׁעַר צִמְחָנוּ.
עֲצוּמִים כִּי שְׁבוּעָה מְלֹאנוּ.

אֲדָמָה, אֲדָמָה, אֲדָרֵת.
בְּיַדְנוּ נִתּוֹן קֵינָה.
רַק לְאוֹת מְחֻתָּרֵת,
וּפְקוּחָה אֶל הָאוֹת עֵינָה.

¹⁶ Намёк на библейского богатыря Самсона, который потерял свою силу, данную ему свыше с условием никогда не стричь свои волосы. Филистимляне захватили его обманом, лишили волос и ослепили. Но, по мере того, как волосы его отрастали, сила возвращалась к нему, и он смог обрушить храм на головы врагов. (Танах, Пророки, Судьи, 16, 19-31). У мёртвых волосы продолжают расти. То, что речь идёт о мёртвых, ясно из предыдущих стихотворений.

¹⁷ Альтерман удивительно точно предвидит ситуацию восстания евреев в Варшаве в 1943г., где фашисты сначала лишили евреев всего имущества и прав, загнав в гетто, затем осадил его с целью поголовного истребления всех жителей. В это время в гетто сформировалось подполье для борьбы с немцами – без каких-либо шансов на успех, но с намерением умереть в бою. Одна из руководителей восстания, Цивья Любеткина, осталась в живых и после войны жила в Израиле. Она рассказывала: "Была большая радость, и не важно, что будет потом!" Это стихотворение нет нужды

Братья, братья родные, каждый,
В ком душа жива после мук,
Братья, братья родные, каждый,
У кого целы пальцы рук,
Готовьтесь, готовьтесь, внимая,
Боевой клич ворвётся, взывая,
Отзовётся во рту вкусом терпким,
И тростник станет лесом крепким.
Клича грозного с хрипом до боли
Ожидает во тьме подполье.

И, куда бы ни шёл враг, мы видим.
Глаз не сводим, внимания полных.
Ни на миг не теряем из виду.
Так за солнцем следит подсолнух.

Если скрылся за дверью закрытой,
Мы у ног его тенью лежим,
Смертным зельем в стакан залиты
И в ушко иголки глядим.

Братья, братья родные, кто может,
В ком душа жива после мук,
Хоть содрали ремнями кожу,
Пальцы вырвали ног и рук,
Готовьтесь, готовьтесь драться,
Костыли отбросив, подняться.
Вы расстанетесь с костылями,
Бог увечных поднимется с вами.
Клича грозного с хрипом до боли
Ожидает во тьме подполье.

האחים, האחים, האחים,
כל אשר נשמה באפיו,
האחים, האחים, האחים,
כל אשר אצבעות לכפיו, -
הכּוּנוּ, הכּוּנוּ, הכּוּנוּ,
כי לגער גרונות נכּוּנוּ!
כי נכּוּנוּ גרונות לגער!
כי הִיָּה האגמון ליער!
כי לאות פּאָבק נחרת
מחכה, מחכה מחתרת.

באשר יהלך עוינו,
לא נרפנו יומם ואמש.
סב תסבנה אחריו עינינו,
כמו סב חמנים עם שמש.

ובחדרי חדריו שלחנו,
וצלנו רגליו עוקב,
ובסם הרדום אנחנו,
ובמחט דקת הגו.

האחים, האחים, האחים,
כל אשר נשמה באפיו,
אשר דשו אותו בלחים,
אשר אין אצבעות לכפיו, -
הכּוּנוּ, הכּוּנוּ, הכּוּנוּ,
כי קבִים לנשור נכּוּנוּ,
כי נכּוּנוּ לנשור קבִים,
כי עלה אל קצוצי כפִים,
כי לאות פּאָבק נחרת
מחכה, מחכה מחתרת.

воспринимать как пророчество: если представить себе попытку вооружённого сопротивления евреев фашистам, она должна была развиваться и заканчиваться именно так.

Мы со многим, что знали, расстались
Ради мысли одной неизменной,
И расскажут детям, как дрались,
Головою тараня стены.

День свободы! Мечты наши зыбки.
Не дождавшись, падём в боях,
Но блеснём белозубой улыбкой,
Как белеют кости в песках.

Братья, братья родные, каждый,
В ком душа жива после мук,
Встанем вместе с Могучим! Однажды
Пальцы вырастут ног и рук!
Готовьтесь, готовьтесь, внимая,
Ибо страх врага пробирает,
Ибо враг дрожать начинает,
Ибо время, как свечка, тает.
Клич ворвётся, как смерч, в город с воли,
И готово к кличу подполье.

Глава 6

1. Песнь знамений

Как будто пред смертью, усевшись на сук,
Кричала сова без умолку.
Из рук твоих выпало зеркало вдруг.
И платье порвалось (так в трауре рвут).
Ты села зашить, не уняв дрожи рук,
Но кровью покрылась иголка.

Ты приметам недобрым не верь,
Пусть погаснут в глазах твоих страхи.
Время добрым знаменьям теперь,
Радость вновь постучит в чью-то дверь...

כי רבות מחשבות שִׁכַּחְנוּ,
ואחת מחשבה מלאנו.
ויגד לבנים איה גִּחְנוּ
וראשינו היו אילינו,

יום חרות! אם רחוק תרחק עוד,
אם על דרך רבה נפול,
לו את לבן צחוקך נצחק עוד,
כעצמות שיגרה בחול.

האחים, האחים, האחים,
כל אשר נשמה באפיו,
העוזים לאדיר! הצומחים
כצמח אצבעות לכפיו!
הכונו, הכונו, הכונו,
כי לרעד צרים נכונו,
כי נכונו צרים לרעד,
כי העת כמו נר נגרעת,
כי האות יבקע קרת,
ולאות מחפה מחתרת.

1

א. שיר של אותות

הלילה צפור צעק מרה,
כמו באו נפשו לקחת.
הלילה פרתה מיך המראה,
הליל קריעת-מת שמלתך נקרעה,
ותשבי בלב-רע לאחות הקריעה,
והנה עטפה דם המחס.

אל תשימי לבה לאותות,
אל תבער היראה בעיניך.
כי טובה יבשרו האותות,
כי שמחה מתדפקה בדלתות,

Все приметы – мучителям знаки.

И если псы, о дочь, завыли здесь,
Наверно, появился ангел здесь,
И если появился ангел здесь,
Оплакан, значит, будет кто-то здесь.

Небеса засияют, дочь.
И глаза засверкают, дочь.
И года пронесутся, дочь.
Будут помнить их долго, дочь.
И знаменья увидят вдруг,
И не даром на небе круг,
Бедняки возликут вокруг:
Это слышен Радости стук!

Так печальна ты, словно узнала сейчас,
Что ещё раз мне смерть угрожает.
Хоть, как мёртвый, без снов сплю, и свет мой угас,
В страшном сне вдруг почувал последний твой час.
И, очнувшись, я вижу: усмешка у глаз
И иголку кровь покрывает.

Нам понятен язык примет:
Предвещают, что с нами случится.
Ничего в них хорошего нет,
Лишь несчастий нам ждать от примет,
А к мучителям радость стучится.

И если псы, о дочь, завыли здесь,
Наверно появился ангел здесь,
И если появился ангел здесь,
Подобные тебе погибнут здесь.

Собери свои силы, дочь.
До конца, до могилы, дочь.

כִּי לֹא לָךְ הֵם, כִּי אִם לְמַעֲנֶיךָ.

בְּתִי, אִם כְּלָבִים בּוֹכִים בְּעִיר,
הֲלֹא אוֹת כִּי מְלֹאךְ עוֹבֵר בְּעִיר.
בְּתִי, אִם מְלֹאךְ עוֹבֵר בְּעִיר,
הֲלֹא אוֹת כִּי מִסְפֵּד יִהְיֶה בְּעִיר.

כִּי עֵינַיִם יֵאָרוּ, בַּת,
וְשָׁמַיִם יֵאָרוּ, בַּת,
וְשָׁנִים יַעֲבֹרוּ, בַּת.
וְאֵת אֱלֹהֵי יִזְכְּרוּ, בַּת.
וְנִרְאוּ הָאוֹתוֹת הַגְּדוֹלִים,
וְלֹא שָׁאָ יִדְבְּרוּ הָאוֹתוֹת,
וְשִׁמְחוּ עֲנָוִים וְדָלִים,
כִּי שִׁמְחָה מִתְדַפְּקָה בְּדִלְתוֹת,

צָר לִי, צָר עַל רוּחְךָ הַמְרָה,
כְּמוֹ שָׁבוּ נַפְשֵׁי לְקַחַת.
אֲשֶׁר אֵין לִי חֵלֹם, אֲשֶׁר אֵין לִי אוֹרָה,
חֵלֹם-רַע חֲלַמְתִּיךָ לִי בְקֶצֶה הַמְּאוּרָה,
וְאֶקְיֵץ, וְתֵאָוֵר בַּת-צְחוּלְךָ הַקְּרוּעָה,
וּבִידֶךָ עֵטְפָה דָם הַמַּחַט.

כִּי גְלוּיָהּ הִיא לְשׁוֹן הָאוֹתוֹת,
כִּי הִנֵּה לְעֵינַי וּלְעֵינֶיךָ.
לֹא טוֹבָה יִבְשְׂרוּ הָאוֹתוֹת,
לֹא שִׁמְחָה מִתְדַפְּקָה בְּדִלְתוֹת,
כִּי לֹא לָךְ הִיא, כִּי אִם לְמַעֲנֶיךָ.

בְּתִי, אִם כְּלָבִים בּוֹכִים בְּעִיר,
הֲלֹא אוֹת כִּי מְלֹאךְ עוֹבֵר בְּעִיר.
בְּתִי, אִם מְלֹאךְ עוֹבֵר בְּעִיר,
הֲלֹא אוֹת כִּי כְמוֹךָ יִסְפוּ בְּעִיר.

לוֹ כְּתַפִּיךָ יְכוֹנוּ, בַּת,
כִּי רַבּוֹת עוֹד נְכוֹנוּ, בַּת,

Много бед ещё ждёт нас, дочь.
И последний он, знак нам, дочь.
Ты до дна выпьешь чашу потерь.
Наша доля в знаменьях, поверь.
Будь же стойкой, родная, теперь!
Нет, не Радость стучится в дверь.

2. Кончина отца

Вот отец твой. В железной кровати. Вокруг
Темень ночи. Ты возле него.
Крепок он, как железо. Не вытянет рук,
Но сознание ясно его.

Он и в бездне страданий, истаявший весь,
Ждёт тебя, за тобою следит
И, когда тыходишь: "Отец мой, я здесь!" –
На тебя, усмехаясь, глядит.

Спазм удушья уже его речи лишил,¹⁸
Но, измотанный и немой,
Взгляд живых ещё глаз на тебя устремил –
Как будто коснулся рукой.

Потому что близка беда, горше всех бед.
Вот за горло взяла, за язык.
Отец что-то шепчет тебе, но - нет,
Сквозь губы звук не проник.

Духом твёрд, но с удушьем нет сил совладать,
В мучке тонет лицо, но в борьбе
Оно ясно, спокойно. Хоть трудно дышать,
Остаётся верен себе.

ועד קץ לא יחנו, בת,
ובא אות, ואחרון הוא, בת.
את כוסנו תשתי ותמצי.
זה חלקנו – לשאת באותות.
יחידה לי! חזקי ואמצי!
לא שמחה מתדפקה בדלתות.

ב. קץ האב

זה אבך. זה אבך על מטת הברזל.
את נגשתי אל חשכת פנתו.
ויראה לבלי שוב. ויחזק מברזל.
ולא נסתתרה בינתו.

הוא שאל לך מתהו חליו. מעבי
מחשכיו הוא שאל לך. מכה עד חך.
ועת באת ותגידי אבי, אבי.
ויחזק מברזל ויחיה.

ותדעי כי נטל הדבר מאבך.
והכביד המחנק. וייגע.
רק עיניו החיות על פניך הוליה,
פאלו ידו בך נגעה.

כי קרבה הרעה מכל הרעות.
כי שטפה עד צואר ותעלע.
אליה שפתי האב נעות,
וקול האב לא ישמע.

פחותיו שיכלו למעל הנשימה
ופניו הטובעים בענוי,
מתונים וצלולים. כל עוד בו נשמה
אין תמורה לטיבו ושנוי.

¹⁸ Отец Натана Альтермана, Ицхак, умер в 1939г. от рака горла.

И сейчас, когда время минуты считать,
Его мыслям не ведом покой.
Ведь обычай отцов – жить в тревоге, решать,
Видеть завтрашний день пред собой.

Их не сломит ничто – ни несчастье, ни боль.
Речь мужчины, отца – суть их слов.
В этом суть всей их жизненной силы. Как моль,
Она въелась в поступки отцов.

Даже вырван из сотни, один встретит рать.
Не смирившись, на землю падёт.
Тяжело, тяжело отцам умирать,
Их, как дуб, топор не берёт.

Дочь, скажи, что тоскуешь, не знаешь, как быть.
Это – час его. Встреть взгляд отца.
Надо просто всегда обо всём говорить.
И о смерти. Не ради словца.

Вот склонился к его напряжённым глазам
Мастер ужасов. С делом знаком,
Позвонки разбирает, дробит по частям,
Клетку к клетке кладёт рядком.

Не боится отец, не дрожит пред судьбой,
Даже бровью не поведёт.
Так в упорном молчанье последний свой бой
Опрокинутый навзничь ведёт.

Даже если он нем, и остра боль, как нож,
Когда видит: приблизилась дочь,
Ему кажется, ты, ты на помощь зовёшь,
И он должен тебе помочь.

גם מבעד לחלי המר מן הבור
מחשבתו לא תדע לה מנוחה.
זה הרגל האבות לחשב ולספור
ולדאוג דאגת מחר.

זה הרגל האבות לא לומר נואש,
רק לומר דברי איש ואב.
זה חיות ישותם שחדרה כעש
בעמקי היומיום ופרטיו.

ממאה יעקר ונפל כרות,
ובאחרון לא יוכל הכנע.
קשים, קשים האבות למות,
כאלון הקשה הקרע.

את הישירי הביט בו. כי זו שעתו.
את אמרי לו כי רע וכי צר.
גם היום, בת, יוצא כל דבר מפשוטו,
אך למות, ולא למליצה.

את רואה איה גוחן על עיניו החיות
האמן המפיל בעתה :
החלי הדיקון, מפרק החליות
ומתיר הרקמה תא לתא.

את רואה : המוטל על גבו לא צעק,
לא רעד. לא הניע גבה.
פה, באלם עקש, עד עפר ועד דק,
נלחמים השוכבים על גבם.

אבל גם בשכבו נטול קול ומזור,
ובקרבה אליו, צעד צעד,
עוד נדמה לו כי הוא הנקרא לעזור,
ואת המבקשת סעד.

Ими древний обычай усвоен давно,
Это клятва меж ним и тобой.
Позабудется, кончится многое, но
Пусть на н е й вырастает сын твой.

Отец облаком снова всплывёт из глубин
(Вспомнишь в день, как настанет твой суд)
Сердцем любящий, телом болящий – один
В этом мире, где все предадут.

Расстаётесь. Ещё один взгляд. До конца
Был так ясен зрачков этих свет.
Но отец не умрёт: нет конца для отца,
Он покинет живым этот свет.

Вот погасли глаза, тень коснулась лица.
Плачь, он брата и друга был ближе.
Неподвижны, немые губы отца,
Но он будет ещё услышан.

3. На земле камней

Я именем того, кто вечно в памяти твоей,
И именем Того, кто взял его, Велик и Свят,
Заклял тебя: как враг придёт, будь всех сильней,
Огонь, и лёд, и страх преодолей,
Будь цепче, чем репей, живучее стократ.

Наш слабый корень вырван, вновь не прорастёт,
И плод наш сохнет, жаждет ливня он.
Но не сомнёт рука его и зуб не разгрызёт,
Семь раз растоптан будет, но не пропадёт.
И, - пусть не слышат, - прозвучит: "Силён!"

Мы нищи, ничего у нас с тобою нет.

זֶה הַרְגֵל הָאֲבוֹת הַקְדָּמוֹן וְהַתָּם.
זוֹ שְׁבוּעָה שְׂבִינוּ וּבִינָה.
אֶת זְכָרֶיהָ. הַרְבֵּה יִשְׁכַּח וַיִּתָּם.
אֲבֵל בָּהּ תִּגְדְּלִי אֶת בְּנִי.

עוֹד עָלַיָּה כָּעֵב יִרְדַּ זְכוֹר הָאֵב,
לְהַזְכִּיר בְּיוֹם דִּין וּפְקֻדָּה,
כִּי לְבוֹ שְׂאֵהב וּבִשְׂרוֹ שְׂכָאֵב
אֲחֵרוֹנִים בְּעוֹלָם לְבִגְיָדָה.

הַפְּרָדִי. כִּי בָא סוּף. הוּא מִבֵּיט בָּהּ. עַד קֵץ
נוֹצְצוֹ אִישׁוֹנוֹי הַחַיִּים.
כִּי הָאֵב לֹא יָמוּת. כִּי הוּא אֵב לְאִין קֵץ.
כִּי שְׂאוּלָה יִרְדַּ חַיִּים.

אֶפְלוֹ הַפָּנִים וְחִשְׁכוּ הַרוּאוֹת.
בְּכִי לְטוֹב לָהּ מֵאֵח וְרַע.
שִׁפְתֵי הָאֵב אֵינָן נְעוֹת,
אֶךְ קוֹל הָאֵב עוֹד יִשְׁמַע.

ג. על ארץ-אבנים

וּבִשְׁם הַלֵּא-נִשְׁכַּח שְׂיִזְכֹּר וַיִּפְקֹד.
וּבִשְׁם לֹזְקוֹ שְׂיִתְגַּדֵּל וַיִּתְחַדֵּשׁ,
נִשְׁבַּתְיָ לָהּ: בְּיוֹם צוֹרֵר וַיּוֹם פּוֹקֵד
קָשָׁה תַּהֲיִי, עֵקֶשׁה לְקַר וְלִיּוֹקֵד,
וּכְדַרְדָּר מִמְּרָה וְכִמוֹ הַמוֹץ לְדָשׁ.

הִנֵּה שָׂרְשֵׁנוּ מִן וּכְנֻצָר מִשְׁלָה
וּגְרַעֲיִנְנוּ צָם וְאֵל מִטָּר זַעֵק,
אֶךְ יָד לֹא תִנְצַח וְשֵׁן לֹא תִפְצַח
וְשִׁבַע יִרְמַס מְלִיל עַד בְּקָר צַח,
אֲבֵל בְּאִין שׁוֹמַע יֵאֱמַר חֲזָק.

עֲנִינוּ עַד מָאֵד, שְׂדָדְנוּ לְבִלֵי עוֹד,

Ни званьем, ни величьем не блестим.
Когда мы будем, серые от бед,
На прахе перед Ним держать ответ,
Прикроешь сына фартуком своим.

Такою ты восстанешь для суда
Там, где ни дерева, ни трав – в стране камней:
Красу твою смели преступные года,
Не озаряла радость взор твой никогда,
Но страхов всех спокойствие сильней.

И, стоя в той стране перед Отцом,
Тогда ты скажешь, серая лицом:

Мой Бог, твоя раба перед Тобой –
Творение Твоё и образ Твой.
Ни званий, ни величья – жалкий вид,
И рядом сын мой, фартуком прикрыт.

Ни жалости не просит (кто ж жалел!),
Ни утешения (кто ж утешать хотел!).
Не просит смерти, жизнью дорожит,
И в прахе, как живая, здесь стоит.

Ты только, Милосердный, дай ей сил,
Чтоб не упасть до времени без сил,
Чтоб устоять, где камни и репья,
Ей с тем, кто скрыт под фартуком её.

Глава 7

1. Ночь осады

Враг несёт смерть, издёвку, страх.
Стань у порога! Вот он идёт!

לא תאָר לנו, בת, ולא הָדָר.
בְּאֵלֶּה הַפְּנִים הָאֶפְוִרִים מִשָּׁד
עָלִי עֶפֶר לְיוֹם דִּינֵנוּ נַעֲמָד,
וְאֵת הַבֵּן חוֹבֶקֶת בְּסוּדָר.

עַל אֶרֶץ-אֲבָנִים יְקוּמוּ הַפְּנִים,
עַל אֶרֶץ לֹא-שִׁבְלֵת וְלֹא-עֵץ.
הִיא, לֹא יָפָה שְׁלִי, פִּשְׁעוּ בָּהּ הַשָּׁנִים,
הִיא, לֹא שָׂמְחָה שְׁלִי, עֵינַיָּךְ לֹא יוֹנִים,
וְשִׁלְוֹתָךְ עֲזָה מֵהַתְּפִלָּץ.

וְכִכָּה יֹאמֶר עַל אֶרֶץ-אֲבָנִים,
בְּעַמְדָּךְ מוֹל אֵל וְאֶפְוִרֵת פְּנִים :

רְאֵה, הָאֵל, אֵת שִׁפְחָתְךָ בֵּת אִמְתְּךָ.
רְאֵה אוֹתָהּ בְּצַלְמָךְ וּבִדְמוּתְךָ.
לֹא תֹאֵר לָהּ, אֵלֵי, וְלֹא הָדָר,
וְהִיא הַבֵּן חוֹבֶקֶת בְּסוּדָר.

לֹא רַחֲמִים בְּקִשָּׁה. וְלֹא רַחֲמוּהָ.
לֹא נַחֲוּמִים בְּקִשָּׁה. וְלֹא נַחֲמוּהָ.
וְלֹא מוֹתָהּ בְּקִשָּׁה. וְגַם הִנֵּה חַיָּה.
וְעַל עֶפֶר עוֹמֶדֶת כְּחַיָּה.

רַק כָּח תֵּן לָהּ, אֲב רַחוּם, רַק כָּח.
לְמַעַן לֹא תִפֹּל בְּטָרָם עַת בְּלִי כָח.
בְּרוּךְ נוֹתֵן כָּחוֹ עַל אֶרֶץ וְדָרְדָר
וְלֵה וְלַחֲבוּק לֵה בְּסוּדָר.

י

א. לִיל הַמָּצוֹר

לַעַג וּמָוֶת אוֹיֵב יִשְׁקָךְ.
קוּמִי בַפֶּתַח, כִּי צָר צוֹעֵד.

Стань у порога с оружием в руках,
Готовься, настал черёд.

קוּמִי בַפֶּתַח. אֲמָצִי נִשְׁקֶה.
הַכּוֹנֵי, כִּי בָא מוֹעֵד.

В руке рукоять, но, хоть заперт дом,
Не спасись: враг со всех сторон.
Вжалась в стену лицом
(Словно контур резцом)
И надежду из сердца вон!

כִּי בָא, כִּי נִשְׁלַם. הַשֶּׁבֶר הַשְּׁבֵת,
אֶף יָדָהּ הַדּוּקָה עַל קֵת.
עַם הַקִּיר נִצְבֵת
וּכְמִקִּיר נִחְצֵבֵת
וְתִקְוָה מִלִּבָּהּ הַכָּרֵת.

Пытается враг штурмовать ещё раз,
Но ты, ты испытана жизнью не раз.
В отчаянье видел тебя, но живой.
Отчаянной вижу, готовой на бой.

לֵיל מְצָרִים. לֵיל נִסְיוֹן.
וְאַתְּ נְכוֹנָה וְלִמּוּדֵת נִסְיוֹן.
רְאִיתִיךָ נּוֹאֶשֶׁה. רְאִיתִיךָ חֲמוּשָׁה.
שָׂרִיד וּפְלִיט לִי, וּמִצַּח נְחוּשָׁה.

Увидел и понял: равно остро ждут
И гибель, и праздник, что скоро придут.
Ты вся без изъяна, ты жизнь мне дала.
Сегодня свою жизнь сожжёшь дотла.

רְאִיתִיךָ וְאַבִּין כַּמָּה דַק הַתֵּג
שֶׁבֵין טָרֶם-שׂוֹאָה וְעֶרֶב-חַג.
חַיִּים לִי נִשְׁתַּלֵּת. שְׁלֵמָה בְּלִי מַגְרַעַת.
וְחַיִּים אֶתְּ הַלְיָלָה נִקְרַעַת.

Пока немы мечи, взгляд недвижим твой, дочь.
Как в развалинах, спрячусь в тебе, глядя в ночь.
Как забыть мне тебя: у меня ты одна!
Как забыть, ты одна лишь загадка всегда.
...Ты стоишь у стены, и не дрогнет рука -
Кто взойдёт на порог, сгинет наверняка.

רַק עֵינֶיךָ שְׁמָמָה עַד דְּבַר חֲרָבוֹת.
רַק אֲנִי הִנֵּה עַר בְּךָ כְּבִין חֲרָבוֹת.
אִיךָ אֲשַׁכַּח, וְיַחֲדָה לִי הֵיית. יַחֲדָה.
אִיךָ אֲשַׁכַּח, וְלַחֲדָה לִי נִשְׁאַרְת. לַחֲדָה.
- - - וְהָבָא עַד סֹפֶה יִסְפֶה בְּאַחַת.
כִּי נִצְבֵת אֶל הַקִּיר וְיָדָה עַל הַקֵּת.

Я с тобою здесь тоже,
И свидетель пока,
Что нет страха и дрожи,
Что спокойна рука.
Ты, усталая, гонишь сон
И надежду из сердца вон.

פֶּה אֲנִי עֹמְדָה
וְאַנִי לָךְ עֵד,
כִּי שׁוֹקֶטֶת יָדָהּ
וְאִין חַת וְרוֹעֵד.
אִין יָרָא בְךָ, בְּתִי, וְאִין חַת.
רַק תִּקְוָה מִלִּבָּהּ הַכָּרֵת.

Как свеча, город ярким горит огнём.
Осаждённым надежды нет.
Уготован пепел всем тем, кто в нём,

תֵּאבֵד הַתִּקְוָה וְיִכְבֶּה הַנֵּר
וְגָדוּל אֶתְּהָ אֹר פְּכֻחוֹן.
וְהַעִיר בְּחִלוֹן בּוֹעֶרֶת כָּנֵר

Но не гаснет прозрения свет.

Вестник в город пробрался во тьме ночной,
Весть благую принёс им он:
Великим спасеньем
Закончится бой,
Но наш жребий, увы, предрешён.

Пытается враг штурмовать ещё раз,
Твои братья испытаны жизнью не раз.
Стоят с оружием, надежды без,
Стоят, как вражда меж людьми, как лес.

Сильны силой праха, бедны до могил,
Но прах не укроет их ревностный пыл.¹⁹
Он с ними возвращён, и нет в нём изъяна.
Но до срока ни словом коснуться нельзя нам.

И один из них сказал другим:
"Чует сердце, не выйду отсюда живым".
И сказал второй: "Горькой смертью умрём.
Будем призваны ею мы завтра днём".
"Но спасенье грядёт, - сказал третий, - и нас
Призовут ликовать в его радостный час".

Глаза подняли,
И Бог увидал:
Эти страха не знали,
И никто не предал.
Ни предатель, ни страх не отыщутся тут.
Завтра все они смертью умрут.

2. Рассвет

וְעַפְרָ לְבְרוּאִיו נִכּוֹן.

כִּי הַכּוֹס מְלֵאָה, כִּי מְנוּס כְּלָה,
וְהַעִירָה הַגִּיעַ רַךְ.
וַיְבַשֶּׁר : עוֹלָה
יְשׁוּעָה גְדוֹלָה,
אֶךְ דִּינָנו כְּלָה נְחַרֵץ.

אֶךְ בְּלִיל מְצָרִים, בְּלִיל גְּסִיּוֹן.
אֲחִיקָה נִצְבּוּ לְמוֹדֵי גְּסִיּוֹן.
נִצְבּוּ נוֹאֲשִׁים, נִצְבּוּ חֲמוּשִׁים,
וְכִיעַר סִמְרוּ וְכָאִיבַת אֲנָשִׁים.

כַּחַם מְעַפָּר וְעֵנָיִם עַד עַפָּר
וְקִנְיָת נְצוּרִים לֹא יִכַס הָעַפָּר.
עַמְהֵם הִיא טַפְחָה. שְׁלֵמָה בְּלִי מְגֻרְעַת.
וְעַד עַת אֵל דְּבַר בָּהּ נִגְעַת.

וְאֶחָד לְאַחִיו אָמַר : אַחִי,
לְבִי לִי מִגִּיד לֹא אֶצֵּא מִזֶּה חַי.
וְאָמַר הַשֵּׁנִי : מֵר הַמּוֹת סוֹר,
וְאֶנְחֵנו קְרוּאִיו בְּיוֹם מָחָר.
וְאָמַר הַשְּׁלִישִׁי : יְשׁוּעָה עוֹלָה,
וְאֶנְחֵנו קְרוּאִיָּה בְּיוֹם גִּילָה.

וַיִּשְׂאוּ עֵינֵיהֶם
וְהֵאֵל לָהֶם עַד,
שָׁאִין חַת בֵּינֵיהֶם,
וְאֶחָד אֵין בּוֹגֵד.
אֵין בּוֹגֵד בֵּינֵיהֶם וְאֵין חַת.
וּמָחָר הֵם נִסְפִים עַד אֶחָד.

ב. שחר

¹⁹ "Всё произошло из праха и всё возвратится в прах" (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 3, 20).

У входа в город столкнулись тела,
Как пламя с соломой – сжигая дотла.
И сильный воскликнул: "Моя взяла!"

Вышел из города старец седой.
Погибшего тело несёт с собой -
К братьям его приобщить за стеной.

Враг ликует: "Солому пламя пожрёт!"
И навстречу железу город встаёт.
Металл встречает металл у ворот.

Вот второй пошёл и, пронзён, упал.
Но подняться смог. "Повезло!" – сказал...
Пока видел свет, на ногах стоял.

Поднимают братья рядами меч,
Чтоб осаду прорвать и в полях полечь.
Как по брёвнам пила, ходит смерти смерч.

Враг ликует: "Победа! Наша взяла!
Жжёт солому огонь, сталь кромсает тела!"
Твои братья бьют врагов без числа.

3. Город пал

Грозный Отче, хранящий, разящий судом! -
Нас для радости светлой создал Он. -
В этом городе, гибнущем двор за двором,
Грозный Отче, создавший нас всех, чтоб потом...
Мы ликуем. Смотри, нас не стало!

Мы ликуем, да будет рассвет!
Это гибели радость. Светает.
Это старая радость, другой у нас нет.
Братья! Может, сегодня, раз в тысячу лет

פְּתַח הָעִיר גּוּף עַד גּוּף נִגָּשׁ.
גּוּף בְּגוּף אַחַז כְּמוֹ אֵשׁ בְּקֶשׁ.
גָּבַר הַחֲזֵק וַיִּפֹּל הַחֲלָשׁ.

פְּתַח הָעִיר יָצָא אִישׁ שָׁב,
אֶת גּוּף הַנוֹפֵל עִמּוֹ עַל גַּב.
וַיִּשָּׂא עַל גִּבּוֹ וַיִּשִּׁיבוּ אֶל אָחִיו.

אֲזַ צֶהַל אוֹיֵב : אֵשׁ אוֹכְלָה קֶשׁ !
אֲזַ נֶעַה הָעִיר, כִּי בִרְזַל נִגָּשׁ.
אֶךְ בִּרְזַל בְּבִרְזַל פָּגֵשׁ.

וַיַּחְרַג שְׁנֵי וַיִּפְלַח בַּחֹד.
וַיִּקְוֶם עַל רִגְלָיו וַיִּקְרָא : בָּא גַד ...
וְעַד כְּלוֹת נִשְׁמָה עַל רִגְלָיו עָמַד.

אֲזַ אַחִיךָ יוֹצְאִים שׁוֹרוֹת שׁוֹרוֹת,
לְהַבְקִיעַ מְצוֹר וְלִפְּלֹל לְבָרוֹת,
וְהַמּוֹת הוֹלֵךְ כְּמִשׁוֹר בְּקוֹרוֹת.

וַיִּצְהַל אוֹיֵב : בָּא גַד , בָּא גַד !
אֵשׁ אוֹכְלָה קֶשׁ וּבִשְׂרִים יִטְרַף חֹד !
וְאַחִיךָ מַכִּים כְּשׂוֹאֵה . כְּאַחֹד .

ג. נופלת העיר

אֵב נוֹרָא וְנוֹצֵר וְלַמּוֹת קוֹצֵר,
לְשִׁמְחָה וְלִשְׁשׁוֹן יִלְדְּנוּ !
מִן הָעִיר הַמִּדְבָּרֶת חֵצֵר , חֵצֵר ,
לְשִׁמְחָה וְלִשְׁשׁוֹן , אֵב נוֹרָא וְנוֹצֵר ,
תַּעֲלֶה רִנְתְּנוּ – אֲבַדְנוּ !

רִנְנָה , הוּאִי כִּי לַיִל פְּנָה ,
וְלִגִּילַת אֲבָדוֹן עָלֶה שַׁחַר .
הוּאִי כִּי לַיִל פְּנָה , הוּאִי גִילָה נוֹשְׁנָה ,
הָאֲחִים ! אוֹלֵי פַעַם לְאֶלְף שָׁנָה

Наша смерть некий смысл обретает.

יש למותנו שחר.

Братья, братья! Не зря в этот раз, может быть!
(Твои братья "Аминь!" отвечают)

О земля, о земля, где нам выпало жить,
Если э т о ты сможешь предать и забыть,
Пусть все дни твои смеха не знают!

Пусть навеки забудет веселье тебя,²⁰
Будь, как солнцем, стыдом сожжена ты!
Вышел пахарь с утра на печали поля,²¹
И спросил его друг: "Это что за земля?"
И ответил: "Земля растраты".

Грозный Отче хранящий! Пылает огнём,
Как свеча, тает город наш – двор за двором.
То конец, дочь, настал. Радость, горе, война –
Слава вам! Слава счастьем, что ты лишена!
Может, высшее счастье ждёт всех нас в конце:
Счастлив не осаждавший, а тот, кто в кольце.
Счастлив червь – презираем, ограблен, больной,
Окружён, уничтожен, запахан землёй –
Начинает с начала, не забыл ничего.
Нет покоя ему, смерти нет на него.
Приговор был строг:
Утопить в крови,
А зверей всех бог
Повелел: живи!
Ты упала без сил, телом сына прикрыв,
Чтобы был до спасенья великого жив.

זאת הפעם אולי לא בכדי!
ואמן עונים אחיה.
ארץ, ארץ, עבי מחשפי ובגדי,
אם גם זאת תשפחי, אם ב זאת תבגדי,
את הצחוק אל ידעו חייך!

אם גם זאת תשפחי, תשפחי השמחה,
וכלימה כמו שמש תעל,
ויצא החורש לשדה הבוכה,
ושאל לו רעו: מה תחריש בהמתך?
וענה: את אדמת המעל.

אב נורא ונוצר! עיר דולקת כנר!
עיר דולקה ונלכדת חצר, חצר!
קץ, בתי! בא הקץ! וחי גיל וצרה,
חי אשרך הטהור שגרש כמצרע,
חי כל עצם רישנו, כי בין המצרים
לא אשרי הצרים, כי אשרי הנצורים!
ואשרי התולע הנלעג והרש,
המרמה ומקף וממגר ונחרש,
וחותר מחדש וזוכר ועוין,
ומרגוע לו אין וכליה עליו אין!
כי הגזר החרות
ארו למות!
ואלהי החיות
ארו לחיות!
ורץ בא ויבשר... וכחך כלה.
רק הבן עוד חבקת לישועה גדולה.

²⁰ Если я забуду тебя, Йерушалаим, пусть забудет (меня) десница моя. Да прилипнет язык мой к небу моему... (ТАНАХ, Писания, Книга псалмов, 137).

²¹ В древности рядом с кладбищем было поле, где оплакивали умерших.

4. Заключение

ד. סיום

Дочь, паду на лицо твоё.
Смерть тебя отнять не сумеет!
Ты лежишь – ужас, горе моё! –
От лица вечным мраком веет.
Дочь, проснись, мы сильны вдвоём!
Смерть есть ложь, повтори скорее!

Дочь, спасенье придёт всё равно.
Велико! Мы увидим сами.
Жизнь разбита, но ложь, что оно
Безвозвратно потеряно нами.²²
Верю: враг обречён давно.
Ты увидишь своими глазами.

Жив детёныш единственный твой,
Что зубами из рук вырывала.
Сын живой, повторяй за мной:
Я хочу, чтобы мать моя встала!
Боже дочери, Боже мой,
Рви речь траура, радость настала!

Дочь, мы отдали всё для побед,
Для спасенья – в нём есть наша доля.
Даже мысли о мести в нас нет –
Далека, как далёк смех от боли,
Как смех юных, не ведавших бед,
От величия праздника воли.

Братьев вставших услышишь привет.
Ты не зря надрывалась, старея.

אל פניך אפל, בתי,
לא יוכל, לא יוכל לך מות!
את שוכבת, תמונת בעותי,
ופניך אומרים צלמות.
עורי, עורי, חזקי, בתי,
אמרי לי כי שקר מות!

כי עולה ישועה, בתי,
כי גדולה! כי שלמה! כי נראנה!
גם ברמס את חיי בועטי
לא אמרתי אבדה ואינה.
רק אמרתי יש יום, בתי,
ותם צר, ועיניך תראינה!

את גורך, את החי, בתי,
בשניך מלטת ממעינינו.
קום, החי בן המות! קרא אתי!
וחיתה הורתך לעינינו.
אלהי, אלהי בתי,
קרע מספד, כי שמחה במעוננו!

ליום גיל וישועה, בתי,
את הכל, את הכל נתנו.
ומחשבת נקם, בתי,
כמו שחוק רחוקה מאתנו.
כמו שחוק נערים, בתי,
למול עצם חגנו שלנו.

עוד תחיי בין אחים, בתי,
עוד תראי כי יגעתי לא להביל.

²² Ещё не пропала наша надежда... (Гимн государства Израиль).

Сын отмерит в конце твоих лет
Тебе ложе в земле евреев.
Нет, не всё суета сует,
Нет, не всё, говорю тебе я.

וְלַעֲתָ, עַל אֲדַמַּת בְּרִיתִי,
בְּנֶגַהּ מִשְׁקַב לְךָ יָמַד בְּחֻבָּל.
לֹא הַכֹּל הַבְּלִים, בְּתִי,
לֹא הַכֹּל הַבְּלִים וְהַבָּל.